

AF
Ad fontes **Выпуск 5**
Материалы и исследования
по истории науки

Научный совет

д-р ист. наук Е.Ю. Басаргина, чл.-корр. П.Г. Гайдук, д-р ист. наук С.Н. Искюль, акад. Н.Н. Казанский, д-р филос. наук Э.И. Колчинский, акад. А. Лефельдт (Геттинген), чл.-корр. И.П. Медведев, чл.-корр. С.И. Николаев, д-р ист. наук И.Ф. Попова, акад. И.М. Стеблин-Каменский, д-р ист. наук И.В. Тункина (председатель), акад. В. Шильц (Париж)

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

**ОТДЕЛЕНИЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЗА ПЕРВЫЕ 50 ЛЕТ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
1841–1891 гг.**

Сборник документов

Составители Е.Ю. Басаргина, О.А. Кирикова

Отв. ред. И.В. Тункина

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

УДК 94
ББК 63.3(2)51
О 815

*Утвержден к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН*

Рецензенты:

д.ф.н. М.Н. Приемышева (ИЛИ РАН),
к.и.н. Н.В. Крапошина (СПбФ АРАН)

0815 Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук за первые 50 лет его деятельности: 1841–1891 гг. Сборник документов / Составители Е.Ю. Басаргина, О.А. Кирикова; отв. ред. И.В. Тункина. — СПб. : Нестор-История, 2016. — 808 с. (серия: Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 5).

ISBN 978-5-4469-10078-6

Сборник посвящен истории научно-организационной деятельности Отделения русского языка и словесности, основу которой составляли исследования, обнимавшие русское языкознание, отечественную словесность и историю, просвещение в России, все отрасли славистики. Представленные документы характеризуют государственную политику по организации академической науки в области гуманитарных исследований, раскрывают усилия отделения по консолидации научных сил, сохранению духовных ценностей и разработке культурного наследия; знакомят с издательской деятельностью отделения, его финансовым положением. В приложении приведены очерк деятельности отделения за первые 50 лет его существования, составленный академиком Я.К. Гротом; документы по истории формирования личного состава отделения; персональный состав отделения за этот период и более 50 иллюстраций. Сборник предназначен для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

Раздел «Отделение русского языка и словесности

Императорской Академии наук в 1841–1891 годы: Исторический очерк», Приложения 1, 2 и 3, иллюстративный материал подготовлены при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-00010 «Взаимодействие науки и власти: Очерки институциональной истории Императорской Академии наук в XVIII — начале XX в.»).

Книга опубликована на средства Российского научного фонда (грант № 14-18-00010 «Взаимодействие науки и власти:

Очерки институциональной истории Императорской Академии наук в XVIII — начале XX в.»).

ISBN 978-5-4469-10078-6

- © Е.Ю. Басаргина, О.А. Кирикова, составление, примечания, комментарии, предисловие, 2016
- © Е.Ю. Басаргина, исторический очерк, 2016
- © Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, документы, иллюстрации, 2016
- © Изд-во «Нестор-История», редакционно-издательская подготовка, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук в 1841–1891 годы (Исторический очерк)	13
Учреждение Отделения русского языка и словесности	17
Председательствующий в отделении.....	29
Избрание действительных членов.....	37
Периодические издания	55
Лингвистические работы	58
Издание произведений русской словесности	64
Изучение истории просвещения в России.....	65
Экспертная оценка конкурсных работ	70
Перечень документов.....	87
Документы.....	105
Комментарии	421

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Приложение 1.</i> «Очерк деятельности Отделения русского языка и словесности за пятидесятилетие от 1841 по 1891 год. Речь председательствующего в отделении, вице-президента Императорской Академии наук Я.К. Грота» [29 декабря 1891 г.].....	527
<i>Приложение 2.</i> Записки об ученых трудах	547
Бередников Яков Иванович	547
Розберг Михаил Петрович	558
Строев Павел Михайлович.....	561
Шевырев Степан Петрович	572
Поленов Василий Алексеевич.....	580
Лобанов Михаил Евстафьевич	581
Кочетов Иоаким Семенович (протоиерей).....	584
Коркунов Михаил Андреевич.....	587
Срезневский Измаил Иванович.....	597
Норов Авраам Сергеевич	612
Макарий, митрополит (Булгаков Михаил Петрович)	619
Никитенко Александр Васильевич	625
Грот Яков Карлович	630

Дубровский Петр Павлович	642
Павский Герасим Петрович (протоиерей)	648
Билярский Петр Спиридонович	652
Буслаев Федор Иванович	658
Пекарский Петр Петрович	663
Бычков Афанасий Федорович	675
Соловьев Сергей Михайлович	705
Веселовский Александр Николаевич	714
Ягич Игнатий Викентьевич	730
Майков Леонид Николаевич	751
Бестужев-Рюмин Константин Николаевич	765
Лавровский Николай Алексеевич	775
Тихонравов Николай Саввич	783

<i>Приложение 3.</i> Персональный состав Отделения русского языка и словесности в 1841–1891 гг.	795
---	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

*К 175-летию создания
Отделения русского языка и словесности*

Отделение русского языка и словесности Академии наук существовало с 1841 по 1927 год и сыграло большую роль в развитии гуманитарной науки и в истории российской культуры в целом.

Актуальность данного издания, помимо большой познавательной ценности, определяется тем вниманием, которое уделяется организации научных исследований в настоящее время. Это тем более важно сейчас, когда гуманитарные науки превратились в «ахиллесову пяту» отечественной науки, на которую нацелены реформаторские «стрелы».

Основу деятельности Отделения русского языка и словесности (ОРЯС), Второго, или Русского отделения, как называли его сами академики, составляли исследования, обнимавшие русское языкознание, отечественную словесность и историю, просвещение в России, славяноведение. Отделение ясно осознавало свою национальную задачу и высоко оценивало значение своего существования как ученой корпорации, связанной единством духа, целей и интересов.

Настоящий том является первой попыткой показать в документах деятельность Отделения русского языка и словесности за первые 50 лет его существования. Именно в это время происходило становление этого важного подразделения Академии наук.

Составители ставили своей целью отразить основные направления научно-организационной деятельности Отделения русского языка и словесности, не претендуя на всеобъемлющее освещение темы. В подготовленной публикации представлены 306 документов, которые позволяют проследить развитие ОРЯС как общероссийского центра науки и культуры, дают представление о «совокупных», или коллективных, трудах, выполнявшихся в его стенах, и содержат характеристику его личного состава.

Изучение истории ОРЯС невозможно без анализа государственной политики по организации науки в России и детального изучения нормативно-правовой основы деятельности отделения как подразделения Академии наук. Одним из аспектов научно-организационной деятельности ОРЯС на протяжении второй половины XIX в. было согласование «Положения» об отделении 1841 г. с общеакадемическим уставом, утвержденным в 1836 г. Значительный комплекс документов характеризует данную тематику: это выдержки из проектов нового академического устава и «Положения» об ОРЯС, а также многочисленные записки членов ОРЯС с соображениями о целесообразности преобразований. Обсуждение проектов реформы сти-

мулировало подготовку нового бюджета (так называемых «штатов»), увеличившего государственные ассигнования на нужды ОРЯС. Ряд документов дает представление о материальном положении членов отделения.

Основной вклад в развитие отделения внесли действительные члены, которые занимались проведением и организацией научных исследований. Поэтому большой комплекс документов сборника посвящен истории формирования личного состава отделения. Если первые 20 членов отделения были назначены министром народного просвещения С.С. Уваровым, то в дальнейшем новые члены избирались по общим академическим правилам, согласно которым необходимо было представить записку о научных заслугах кандидата. Благодаря такой практике мы располагаем ценными источниками биографических и библиографических сведений о действительных членах отделения, многие из которых прошли путь от адъюнкта до ординарного академика. Записки ценны для нас еще и тем, что они проливают новый свет на некоторые стороны внутренней жизни отделения и воссоздают колорит эпохи.

Членов отделения отличала чрезвычайная широта научных интересов. Главными направлениями исследований в области языкознания были изучение русского языка, построение грамматики русского языка, лексикографические работы. Одним из главных предприятий ОРЯС было издание словаря русского языка. Важной обязанностью отделения было издание произведений русской словесности. Предпринятые отделением публикации сочинений Г.Р. Державина и М.В. Ломоносова стали образцами академического издания. Темы исследований членов отделения обнимали также области русской истории, археологии, истории просвещения в России. Особое место занимали исследования по истории Российской Академии и Академии наук. Однако характеристика индивидуального творчества каждого из академиков, что, по мнению некоторых членов отделения, было важнее любой академии, не входила в задачи составителей и осталась за пределами сборника.

В сборник помещены документы, которые показывают, что важным стимулом к появлению новых исследований были юбилеи знаменитых ученых и писателей. Отделение отмечало крупные юбилеи своих знаменитых коллег.

Объединению российских филологов содействовало присуждение премий за выдающиеся научные результаты. Как свидетельствуют документы, члены ОРЯС разработали правила присуждения наград в области русистики и славяноведения, и отделение выступало высшим экспертом в конкурсах научных работ и литературных произведений.

Документы знакомят с многообразной издательской деятельностью ОРЯС и свидетельствуют о том, что отделение объединяло работы и собственных членов, и сторонних ученых. Отделение широко раскрыло свои издания для всех русистов и славистов, как приобретших известность, так и начинающих; оно ставило все новые и новые задачи, предлагало к исследованию вопросы, связанные с современными требованиями науки.

Публикуемым документам предпослан исторический очерк, написанный Е.Ю. Басаргиной. В нем освещены основные этапы становления

и развития ОРЯС в первые 50 лет его существования, содержится характеристика основных направлений его коллективной деятельности.

Документы в сборнике расположены по хронологическому принципу, что позволяет проследить историю развития важного структурного подразделения Императорской Академии наук. Основной корпус документов предваряется их перечнем.

Данная публикация является изданием научного типа, поэтому составители с должным вниманием изучили происхождение и содержание каждого документа, стремясь объективно осветить исторические события с помощью широкого круга выявленных материалов. В публикацию включены как полные тексты документов, так и их части с отражением остального содержания в приложении и научно-справочном аппарате.

По своему виду издание является тематическим. В нем представлены неодинаковые по назначению и содержанию документы, различной фондовой принадлежности. При отборе документов составители обращали внимание на источники инициативного (доклады, проекты, циркулярные отношения и т. д.), исполнительного (корреспонденции, записки об ученых трудах, отзывы и т. д.) и итогового (Высочайше утвержденные положения, отчетные доклады, протоколы заседаний отделения и Общего собрания Имп. АН и т. д.) характера.

Большая часть публикуемого материала хранится в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН). Это — фонды 1 (Оп. 1), 2 (Оп. 1, 17), 9 (Оп. 1), разряд IV (Оп. 4а) и личные фонды ученых (например, Ф. 216 — фонд академика И.И. Срезневского). Часть документов находится на хранении в Российском государственном историческом архиве (РГИА), это — документальные свидетельства слияния Академии Российской с Академией наук и реформирования Второго отделения Имп. Академии наук (Ф. 733 — фонд департамента министерства народного просвещения).

Большинство документов, отобранных для данного сборника, ранее не публиковалось. Те же, что были опубликованы, впервые появились на страницах академических изданий: в Извлечениях из протоколов заседаний Второго отделения Имп. Академии наук, Отчетах Имп. Академии наук по ОРЯС, Известиях Имп. Академии наук по ОРЯС, Ученых записках Второго отделения Имп. Академии наук, Сборниках ОРЯС Имп. Академии наук, а также в Полном собрании законов Российской империи, Проектах Устава и Штатов Имп. Академии наук и состоящих при ней музеев, в Журнале министерства народного просвещения, в дореволюционных и современных исследованиях, посвященных различным аспектам истории Академии наук и ее Второго отделения: Сухомлинов М.И. «История Российской Академии», Срезневский В.И. «К истории издания Известий и Ученых записок Второго отделения Императорской академии наук (1852–1863)», Басаргина Е.Ю. «Проекты академической реформы. 1855–1917 годы». Ранее опубликованные источники включены в данный сборник для того, чтобы полнее осветить выбранную тему и помочь будущим исследователям истории Академии наук в их работе с историческими материалами.

При передаче текстов документов составители учитывали все обнаруженные варианты, имеющие самостоятельное значение, как в рукописном и машинописном виде (черновые и беловые автографы, списки, отпуски, заверенные и незаверенные копии), так и в печатных изданиях (в газетах, журналах, в виде корректурных оттисков и т. п.). Если в разных текстах одного документа обнаруживались расхождения по его содержанию и структуре, они указывались в подстрочных примечаниях к тексту. При наличии нескольких источников одного текста за основу брался основной документ: для официальных документов (проекты устава, сам устав, положение о Втором отделении, циркулярные письма, доклады, протоколы, записки об ученых трудах и т. п.) — прежде всего подлинники, за их отсутствием — заверенные копии, отпуски; для неофициальных документов (письма членов отделения и поздравительные адреса) — черновые и беловые автографы, позволяющие проследить движение мысли их авторов.

В документах сборника сохранены стилистические и языковые особенности оригинала; орфография и пунктуация соответствуют современным нормам правописания; в извлечениях из протоколов выполнено деление текста на абзацы для лучшего восприятия подаваемой информации. Отдельные слова и предложения, вставленные по смыслу в текст, выделены с помощью квадратных скобок и оговорены в текстуальных подстрочных примечаниях. Зачеркивания, где это было возможно, восстановлены и приведены в этих примечаниях. Имеющиеся в текстах оригинальные подчеркивания и курсив при публикации переданы полужирным шрифтом. Все собственные примечания документов отмечены в примечаниях соответствующей пометой: *Примечание документа*.

Приписки, сделанные автором документа на полях из-за отсутствия места в основной части, даны по их месту в тексте с обязательным указанием в подстрочных примечаниях на такую особенность оригинала. Некоторые приписки (резюльции, пометы и пр.), выполненные другими лицами, приведены в конце основного состава документа, если по смыслу они завершают документ (опять же с оговоркой в подстрочных примечаниях); в остальных случаях, подобные пометы размещены сразу в подстрочных примечаниях.

Имеющиеся в документах иноязычные слова и выражения приведены в основном тексте на языке оригинала, а в переводе на русский язык — в подстрочных примечаниях.

В некоторых случаях, когда это важно для понимания содержания документа, для установления автора, адресата, места написания или датировки, в подстрочных примечаниях расположены канцелярские пометы (адресат документа, входящий номер, дата и т. п.).

В текстах документов присутствуют сокращенные названия Отделения русского языка и словесности (ОРЯС), Императорской Академии наук (Имп. АН) как устоявшиеся сокращения. То же касается наименований некоторых периодических изданий (ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения, ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей российских, ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи и пр.). Принятые в библиографии сокращения также специально не оговариваются.

Подписи под протоколами собраний не приводятся, лишь в легенде документа указано их количество. Исключение сделано для протоколов первых организационных собраний ОРЯС 1841 г.: в них есть подписи всех присутствовавших на заседании членов отделения.

В текстах публикуемых документов сохранены ошибки, имеющие смысловое значение (искажение слов и опечатки, меняющие смысл слов), с указанием на то в подстрочных примечаниях и приведением верного варианта. Если вопрос требует развернутого объяснения, таковое дается в примечаниях по содержанию, после всех текстов документов. Орфографические ошибки и явные описки, не имеющие смыслового значения, исправлены безо всякой оговорки. Так же авторы подошли к решению вопроса о различиях в написании географических названий и имен собственных. Пропуски в тексте, сделанные автором документа для последующего восполнения, обозначены отточием и оговорены в примечаниях по тексту. Пропущенные в тексте и восстановленные по смыслу слова воспроизведены в квадратных скобках. Участки текста, не прочитанные из-за испорченности документа (обрыв, потертости и пр.) или неразборчивости почерка, отмечены отточием и оговорены в текстуальных примечаниях, там же приведены возможные варианты пропусков.

Тексты протоколов заседаний отделения и Общего собрания Академии даны в извлечениях, при этом представлены лишь те фрагменты, которые имеют отношение к теме данной публикации.

Текст каждого документа имеет редакционный заголовок, в состав некоторых внесены заключенные в кавычки собственные заголовки документов. Все заголовки состоят из таких элементов, как разновидность документа, содержание, дата создания (даты приведены по старому стилю) и, если необходимо, автор, адресат, место написания и делопроизводственные номера.

Каждый документ завершается легендой, содержащей контрольно-справочную информацию о нем: поисковые данные документа — его архивный шифр (так как представлены документы, хранящиеся в разных архивохранилищах, то название архива приводится в том числе), подлинность, способ воспроизведения, сведения об особенностях внешнего вида документа, указание на предшествующие публикации. В случае нескольких вариантов текста, первой дается легенда публикуемого текста, последующие приведены в порядке возрастания номеров фондов (фонды одного и того же архива) или же по алфавиту (фонды разных архивов).

В необходимых случаях документы сопровождаются примечаниями по тексту (подстрочные примечания) и по содержанию (в конце основного блока документов). Публикуемые документы обработаны согласно действующим «Правилам издания исторических документов в СССР» (1990).

Документы подготовили к публикации сотрудники Санкт-Петербургского филиала Архива РАН Е.Ю. Басаргина и О.А. Кирикова.

Дополняют издание три Приложения.

В Приложении 1 представлен «Очерк деятельности Отделения русского языка и словесности за пятидесятилетие от 1841 по 1891 год. Речь

председательствующего в отделении, вице-президента Императорской Академии наук Я.К. Грота».

Приложение 2 содержит записки об ученых трудах членов ОРЯС, снабженные подробными списками книг и статей, упомянутых в записках; некоторые библиографические описания завершаются примечаниями, которые поясняют неточно указанные в записках выходные данные книг и статей, а также называют те научные работы, которые не удалось разыскать.

Библиографические описания составили сотрудники Справочно-библиографического отдела Библиотеки РАН Л.А. Акинфиева, Н.К. Блейман, А.В. Бубенцова, Н.А. Волкова, Е.Л. Воробьева, С.В. Высоцкая, А.Э. Жабрева, О.А. Крицкая, М.В. Пчелинцева, Н.А. Сидоренко. Справка о персональных библиографических списках к текстам «Записок» составлена Н.А. Сидоренко (см. примечание к записке о трудах Я.И. Бердникова).

В Приложении 3 дан «Персональный состав Отделения русского языка и словесности»: его действительные члены, члены-корреспонденты и почетные члены по отделению.

Книгу сопровождают иллюстрации. Сканирование документов выполнено К.Г. Шишикиной и А.С. Малешек.

Издание снабжено именным указателем (составитель О.А. Кирикова).

Составители благодарят за безотказную помощь и неизменную поддержку сотрудников СПбФ РАН: хранителей и научных сотрудников — без них этот труд был бы невозможен. Особую признательность составители выражают Н.Л. Сухачеву за консультации и ценные замечания.

Работа в основной своей части (корпус документов, предисловие, именной указатель) выполнена в рамках государственной темы «Научно-организационная деятельность Отделения русского языка и словесности в 1841–1900 гг.».

Раздел «Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук в 1841–1891 годы: Исторический очерк», Приложения 1, 2 и 3, иллюстративный материал подготовлены при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-00010 «Взаимодействие науки и власти: Очерки институциональной истории Императорской Академии наук в XVIII — начале XX в.»).

Составители сборника отдают себе отчет в том, что внимательный, дошный читатель может не найти ответов на какие-то возникшие у него вопросы, хотя бы в силу неоднозначного, если даже не субъективного понимания истории в целом и, в частности, истории науки. Повторим вслед за немецким историком и мыслителем Леопольдом фон Ранке: «История возложила на себя задачу судить о прошлом, давать уроки настоящему на благо грядущих веков. На эти высокие цели данная работа не претендует. Ее задача — лишь показать, как все было на самом деле»¹.

¹ *Ranke L. Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514. Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber. Leipzig; Berlin, 1824. S. VI.*

**ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В 1841–1891 ГОДЫ
(ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)**

Любя отечество, люби науку.

Она нам необходима – строгая в исследованиях, ответственная перед целым светом, но родная по направлению, родная по языку.

Она должна быть основой и судьей всех наших успехов, душой порядка, вожаком промышленности, светом, для всех одинаково открытым, хранимым всеми, царем и народом, от врагов явных и тайных, от невежества и беспечности, чванства, своекорыстия, суетности и суетности.

Из речи И. И. Срезневского,
посвященной памяти М. В. Ломоносова.
Апрель 1865 г.

Уже современники проявляли интерес к деятельности Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) и его предшественницы — Российской академии. Памятные даты служили поводом, чтобы обратиться к их истории. Существенным вкладом в изучение истории ОРЯС и Российской академии стали юбилейные речи академиков М.И. Сухомлинова в 1883 г. и Я.К. Грота в 1891 г., в которых подведены определенные итоги их деятельности¹.

Важным этапом в развитии историографии ОРЯС и Академии наук в целом стала подготовка к празднованию 25-летнего юбилея деятельности вел. кн. Константина Константиновича в должности президента. Академия наук приступила к подготовке изданий, посвященных истории академии за 1889–1914 годы. Из них увидела свет только половина подготовленных материалов, среди них «Материалы для биографического словаря членов Академии наук 1889–1914», содержавшие краткие биографические очерки всех действительных членов Академии наук, занимавших академические кресла в 1889–1914 гг., с подробными библиографическими списками их работ. Помещенные в них биографические и автобиографические статьи

¹ Сухомлинов М.И. Речь о деятельности Российской академии // Отчеты Импер. Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1866–1891 годы. СПб., 1903. С. 540–556; Грот Я.К. Очерк деятельности Отделения русского языка и словесности за пятидесятилетие от 1841 по 1891 год // Там же. С. 769–800. Очерк Я.К. Грота помещен в Приложении 1 (см. с. 000–000 настоящего издания).

различаются объемом сообщенных в них сведений, однако в некоторых из них даны емкие характеристики научного творчества почивших академиков ОРЯС².

По условиям времени работы по изучению академической науки на время заглохли и возобновились в Комиссии по истории знаний (1921–1932), в созданном на ее основе Институте истории науки и техники (1932–1938) и в Комиссии по истории Академии наук СССР (1938–1953). Результаты многолетних исследований были впервые опубликованы директором Архива АН СССР Г. А. Князевым в 1945 г. к 220-летию Академии наук в виде «Краткого очерка истории АН СССР», в котором некоторое внимание было уделено развитию гуманитарной науки³.

В 1958 г. увидел свет первый том «Истории Академии наук СССР»; второй том, охватывающий период с 1803 по 1917 г., был издан в 1964 г.⁴ Авторами был обобщен огромный фактический материал и дан подробный обзор развития академической науки по отраслям знаний, а также охарактеризована деятельность выдающихся отечественных ученых, являвшихся членами Академии наук. В разделе «Общественные науки» наряду с другими представлены филологические науки, история и славяноведение. На книге лежит несомненный отпечаток времени, сказавшийся как на выборе материала, так и на трактовке некоторых сюжетов. И все же она остается пока единственным обобщающим трудом по истории Академии наук, в этом широком контексте рассматривается деятельность членов ОРЯС.

История академической науки и ее гуманитарной составляющей остается одним из направлений отечественной историографии. История ОРЯС в разные периоды его существования стала предметом исследований М.Ф. Хартанович, М.Ш. Файнштейна, Е.Ю. Басаргиной⁵.

Событиями, благотворно отразившимися на развитии исследований по истории Академии наук, были празднования ее юбилеев: в 1925 г. отметили 200-летие, в 1945 г. — 220-летие, в 1975 г. — 250-летие и в 1999 г. —

² Императорская Академия наук. 1889–1914. Т III. Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Ч. 1. А–Л. Пг., 1914; Ч. 2. М–Я. Пг., 1917.

³ Князев Г. А. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 1725–1945 / Под ред. В. П. Волгина и С. И. Вавилова. М.; Л., 1945. В 1957 г. в соавторстве с А. В. Кольцовым было осуществлено второе издание книги а в 1964 г. — третье издание: Князев Г. А., Кольцов А. В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 2-е изд., доп. / Под ред. и с предисл. А. В. Топчиева. М.; Л., 1957; Князев Г. А., Кольцов А. В. Краткий очерк истории Академии наук СССР / Под ред. акад. К. В. Островитянова. Изд. 3-е, дополненное. М.; Л.: Наука, 1964.

⁴ История Академии наук СССР в 3-х томах / Гл. ред. акад. К. В. Островитянов. Т. 1. 1724–1803. М.; Л., 1958; Т. 2. 1803–1917. М.; Л., 1964.

⁵ Хартанович М.Ф.: 1) Ученое сословие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб., 1999; 2) Гуманитарные учреждения Санкт-Петербурга XIX века: Исторические очерки. СПб., 2006; Файнштейн М.Ш. Объединение двух Академий // ВИЕТ. 1992. № 2. С. 40–55; Басаргина Е. Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков: Очерки истории. М., 2008.

275-летие со дня основания Академии наук. Среди юбилейных изданий заметное место занимает коллективный труд «Российская Академия наук: 275 лет служения России»⁶. В нем делается попытка по-новому осмыслить роль Академии наук в развитии фундаментальной науки; определяется место Академии наук в истории российского общества и государства, рассмотрены проблемы ее взаимодействия с властными структурами, национальной самоидентификации, языковые особенности академических публикаций и некоторые другие сюжеты, важные для темы настоящей работы⁷.

Определенным этапом осмысления истории Академии наук является выход в свет фундаментального издания «Летопись Российской Академии наук. 1724–1934»⁸. Из второго и третьего томов можно почерпнуть разнообразные сведения о жизни ОРЯС в изучаемый период⁹. Однако жанр летописи не предполагает сколько-нибудь подробного изложения фактов и поэтому не может дать отчетливой и целостной картины жизни ОРЯС. Это издание является богатым источником для дальнейших исследований.

Во второй половине XX в. с углублением дифференциации научного знания в работах отечественных ученых по истории Академии наук стали преобладать исследования по отдельным научным дисциплинам. Большую историко-научную ценность имеют работы, посвященные развитию славяноведения, русской лексикографии¹⁰. Важным вкладом в изучение Академии наук являются сборники документов и материалов по истории славяноведения¹¹.

Немало важных сведений можно почерпнуть в книгах о жизни и деятельности выдающихся отечественных ученых. Научная биография дает богатый материал не только о творчестве ученых, но и об их гражданской

⁶ Российская Академия наук: 275 лет служения России. М., 1999.

⁷ *Бастракова М. С.* Академия наук и власть: Второе столетие. От Академии Императорской к Российской // Российская Академия наук: 275 лет служения России. М., 1999. С. 111–199; *Старостин Б. А.* Петербургская академия наук в поисках национальной самоидентификации // Там же. С. 259–321; *Валькова О. А.* Язык фундаментальной науки в России // Там же. С. 322–346.

⁸ Летопись Российской академии наук [в 4-х т.]. 2000–2007.

⁹ Летопись Российской Академии наук. В 4-х томах / Гл. ред. акад. Ю. С. Осипов. Т. 2. 1803–1860 / Отв. ред. М.Ф. Хартанович. СПб., 2002; Т. 3. 1861–1900 / Отв. ред. М. Ф. Хартанович. СПб., 2003.

¹⁰ *Историография истории южных и западных славян.* М., 1987; *Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян.* М., 1988; *Лантева А.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; *Цейтлин Р.М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958; *История русской лексикографии* / Под ред. Ф.П. Сороколетова. СПб., 1998; *Отечественные лексикографы: XVIII–XX века* / Под ред. Г.А. Богатовой. М., 2000; *Виноградов В. В.*: 1) *Русская наука о русском литературном языке* // Уч. зап. МГУ. 1946. В. 106. Т. 3. Кн. 1; 2) *Из истории изучения русского синтаксиса*, М., 1958.

¹¹ *Документы к истории славяноведения в России (1850–1912)* / Под ред. Б.Д. Грекова. Подготовили к печати и комментировали В.Р. Лейкина-Свирская и Л.В. Разумовская. М.; Л., 1948.

позиции, а также о тех учреждениях, с которыми они были связаны, прежде всего, Академией наук и ее Вторым отделением (ОРЯС). Первые биографии и биографические материалы членов ОРЯС были изданы их коллегами по отделению. Так, первым биографом академика А.Х. Востокова был его младший коллега по отделению академик И.И. Срезневский, боготворивший Востокова и опубликовавший его автобиографические записки; эту работу продолжил сын ученого В.И. Срезневский¹². Я.К. Грот издал сочинения и переписку своего ближайшего друга академика П.А. Плетнева. Сын Грота к столетнему юбилею своего отца собрал и издал биографические материалы о нем; по поручению ОРЯС под его редакцией вышло собрание сочинений Я.К. Грота¹³. К 10-летию со дня смерти А.Н. Веселовского вышли его биография и сборник, посвященный его памяти¹⁴.

Современная научная литература не богата биографическими работами, посвященными членам ОРЯС, недостаточно разработано их научное наследие, хотя каждый из них достоин отдельного монографического исследования. Можно только горько сожалеть о том, что нет современных научных биографий таких столпов отечественной гуманитарной науки, как А.Х. Востоков, И.И. Срезневский, Я.К. Грот, А.Н. Веселовский. Отдельные аспекты биографии и творчества членов отделения рассмотрены на страницах тематических сборников¹⁵. Среди них выделяются своей монументальностью три тома, выполненные по проекту «Архивы русских византистов» под руководством чл.-корр. И.И. Медведева на рубеже нынешнего столетия¹⁶. Важны и биографические словари, и интернет ресурсы.

¹² Заметки А.Х. Востокова о его жизни. Сообщил В.И. Срезневский. СПб., 1901.

¹³ Материалы для жизнеописания академика Якова Карловича Грота (1812–1893). Вып. 1–2. СПб., 1912; Памяти акад. Я.К. Грота. 1812–1893, СПб., 1913; Труды Я.К. Грота. Т. 1–5 / Изданы под редакцией профессора К. Я. Грота. СПб., 1898–1903.

¹⁴ Памяти академика Александра Николаевича Веселовского: По случаю десятилетия со дня его смерти (1906–1916). Пг., 1921; *Энгельгардт Б.М.* Александр Николаевич Веселовский. Пг., 1924.

¹⁵ И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: к 200-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научной конференции, 26–28 сентября 2012 года / [отв. ред. И.М. Шеина, О.В. Никитин]. Рязань, 2012; Русский язык в культурно-историческом измерении. Посвящается 200-летию Я.К. Грота. Тезисы докладов III Междунар. конференции «Культура русской речи» / Отв. ред. А.Д. Шмелев. М. 2012; Тезисы Междунар. науч. конференции, посвященной 200-летию со дня рождения академика Якова Карловича Грота. СПб., 2012; Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). СПб., 2015.

¹⁶ Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995; Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-корр. РАН И. П. Медведева. СПб., 1999; Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. чл.-корр. РАН И. П. Медведева. СПб., 2004.

Историографический анализ позволяет сделать вывод о том, что исследования, посвященные ОРЯС, развивались от описательных форм, характерных для первых опытов осмысления деятельности отделения, к современным исследованиям обобщающего характера, отличающимся широким охватом исторических событий. Впрочем, как в прошлые годы, так и в настоящее время историография нередко развивается в рамках коммеморативных практик. Несмотря на значительные успехи отечественной историографии по истории ОРЯС в 1841–1891 гг., приходится признать, что в исторической литературе отсутствуют научные труды, которые содержали бы целостное, обобщающее изложение истории отделения в данный период.

Настоящая работа только отчасти восполняет пробел в историографии, она дает в руки исследователей тот строительный материал, который может быть использован как фундамент будущего исследования.

В основу сборника положены различные виды исторических источников: нормативные акты, академические издания, делопроизводственная документация, официальная и научно-организационная переписка, источники личного происхождения.

В работе использованы мемуары и автобиографии ученых, связанных с ОРЯС¹⁷. Важность мемуарной литературы, подчеркивал К.М. Бэр, заключается в том, что жизнь человека в ней «является зеркалом истории и рассказывает о том, как этот ход событий влиял на него самого»¹⁸. Ценными сведениями о деятельности ОРЯС насыщена переписка его членов. Письма ученых воссоздают ту атмосферу, в которой они работали, проливают дополнительный свет на многие обстоятельства академической жизни¹⁹.

Солидный корпус источников, большинство из которых впервые вводится в научный оборот, всесторонне отражает различные аспекты научно-организационной деятельности ОРЯС как единой научной корпорации.

Учреждение Отделения русского языка и словесности

Отделение русского языка и словесности (ОРЯС, II отделение), которое сами академики иногда кратко называла Русским отделением, было создано в 1841 г., когда правительство провело реформу Академии наук, в результате которой к Императорской Академии наук была присоединена Императорская Российская академия²⁰.

¹⁷ Заметки А.Х. Востокова о его жизни. Сообщил В. И. Срезневский. СПб., 1901.

¹⁸ Академик К.М. Бэр. Автобиография. М.; Л. 1950. С. 405.

¹⁹ Сочинения и переписка П.А. Плетнева / По поручению Второго отделения Имп. Академии наук издал Я. Грот. Т. 3. СПб., 1885; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 1–3, СПб., 1896; Из переписки деятелей Академии наук / Подготовил к печати проф. Д. И. Абрамович. Л., 1925.

²⁰ Подробнее см.: *Файнштейн М.Ш.* Объединение двух Академий // ВИЕТ. 1992. № 2. С. 40–55.

Российская академия была основана Екатериной II в 1783 г. как национальный центр для исследований в области русистики и славяноведения. Она была создана по образцу Французской академии (*Académie Française*), образованной в 1635 г. и сыгравшей существенную роль в деле исследования и кодификации французского языка²¹.

Российской академии были предначертаны две разнородные цели: во-первых, «вычищение и обогащение российского языка, общее установление употребления слов оного, свойственное оному витийство и стихотворение»²², а, во-вторых, обогащение литературы произведениями красноречия и поэзии. Академия занималась составлением словарей и грамматики, изданием сочинений, проведением литературных конкурсов, переводческой деятельностью²³.

Выбор членов Российской академии определялся «из известных людей, знающих российский язык». В члены Российской академии были избраны ученые Академии наук и Московского университета и крупные личности тогдашнего литературного мира: И.И. Лепехин, Н.С. Мордвинов, Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин, Я.Б. Княжнин, М.М. Херасков, И.А. Крылов, Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин.

Основополагающим трудом Российской академии в создании отечественного литературного и научного языка был первый нормативный словарь русского языка — «Словарь Академии Российской», — плод коллективных усилий членов Российской академии²⁴. Большое значение для исследования и кодификации языка имела и «Грамматика русского языка» (1802. Ч. 1–3).

Академия оставила значительный след во многих областях духовной жизни России конца XVIII — начала XIX в. Однако если в первый период своей деятельности на академию смотрели как на храм отечественной словесности, то к 1841 г. она утратила свой былой авторитет, ее деятельность не имела ни строго научного характера, ни литературного значения²⁵.

²¹ Задача создания языковой нормы и идея очищения присутствует в самом названии одной из первых академий, образованной во Флоренции в 1582 году — *Accademia della crusca* (Академия отрубей).

²² Краткое начертание Императорской российской академии. 30 сентября 1783 г. // ПСЗ. Собр. первое. Т. 21. СПб., 1830. С. 1023–1025. № 15839.

²³ Ср. мнение П.А. Плетнева о «языковых» академиях, высказанное в 1860-е гг.: «Конечно, главная беда в том, что и Франция и Италия, и Швеция, и Екатерининская Россия громадно ошиблись, вообразив, что чем талантливее литератор, тем он способнее составлять лексикон и доискиваться тонкостей в грамматике»: Письмо П.А. Плетнева Я.К. Гроту от 2 (14) декабря 1864 г. // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 689.

²⁴ «Академический словарь» был подготовлен в очень короткие сроки; Французская академия издавала аналогичный словарь (*Dictionnaire de l'Académie Française*) в течение 60 лет.

²⁵ Князь П. А. Вяземский, подсмеиваясь над своим знаменитым сочленом по Российской академии, рассказывал, что на предложение чаще собираться для совещаний, Крылов отвечал: «разумеется, кроме почтовых дней», запамятовав,

Многие считали причиной упадка Российской академии преобладающее влияние ее президента — литературного «старовера» и дилетанта в филологии, увлекавшегося фантастической этимологией, адмирала А.С. Шишкова, безраздельно властвовавшего с 1813 г.²⁶

В отличие от находившейся в упадке Российской академии, Императорская Академия наук, созданная в 1724 г. по замыслу Петра I, переживала невиданный расцвет. Своим процветанием она была во многом обязана своему президенту гр. Сергею Семеновичу Уварову (1786–1855)²⁷.

Уваров был одаренным человеком, снискавшим себе репутацию выдающегося автодидакта своего времени. Смолоду его тянуло к людям культуры, и он умел находить общий язык с людьми противоположных направлений. Уваров свел знакомство с поэтом В.А. Жуковским и историком Н.М. Карамзиным, стоял у истоков литературного общества «Арзамас». Одновременно он не был чужд литературных староверов из общества «Беседа любителей русского слова». С 1830 г. он был действительным членом Российской академии и знал цену этому званию.

Уваров уже в ранней молодости сделал блистательную карьеру, получив в 24-летнем возрасте солидное назначение попечителем Петербургского учебного округа (1810–1821). В зрелые годы (1833–1849) он был министром народного просвещения и положил в основу деятельности этого министерства программу, построенную на исторических принципах российской государственности и культуры, которая вошла в историю как «теория официальной народности».

В 1818 г. судьба накрепко связала Уварова с высшим научным учреждением страны — Академией наук, которую он возглавлял 37 лет. Все это время Уваров старался сделать ее столь же солидным и уважаемым учреждением, как в Западной Европе: Академия наук была полностью реформи-

что он не в провинции, а в Петербурге, где почта отходила каждый день: *Сухомлинов М.И.* Князь Петр Андреевич Вяземский // Отчет за 1878 г. С. 326.

²⁶ Господствовавшее в течение долгого времени представление о «бездеятельности» Российской академии в последние годы ее существования поколебали работы М.Ш. Файнштейна, который показал, что Шишков значительно расширил поле деятельности Российской академии, усилил лексикографические работы, поощрял исследования в области русской и славянской литературы, истории, географии и краеведения. См.: *Файнштейн М.Ш.*: 1) «Усовершенствовать и возвеличить слово наше» (Словарное дело Российской Академии. 1783–1841). СПб., 1994; 2) «И славу Франции в России превзойти...» Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб., 2002.

²⁷ На Уварова долгое время смотрели через призму его травли А. С. Пушкина, который в 1835 г. публично осмеял его жадность, тщеславие и заносчивость в оде «На выздоровление Лукулла». Современные историки уже давно преодолели это стереотипное восприятие личности Уварова и считают его «российским государственным деятелем с прогрессивными взглядами, но осторожным характером». Подробнее об Уварове см.: *Whittaker C.H.* The origins of modern Russian education: an intellectual biography of count Sergei Uvarov, 1786–1855. Northern Illinois: University Press, 1984; *Вумтекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999.

рована, в нее стянулись самые крупные научные силы дерптской школы: физик Э. Х. Ленц, зоолог К. М. Бэр, химик Г. И. Гесс, а также питомец парижской математической школы М. В. Остроградский. Именно в это время была основана Пулковская обсерватория, которую по приглашению Уварова возглавил один из лучших астрономов того времени В. Я. Струве. В 1837 г. на строительство обсерватории Уваров, пользуясь своим правом министра народного просвещения, изъял из сундуков Российской академии 400 000 руб.²⁸

В 1836 г., после четырехлетних усилий специальной комиссии, Николай I утвердил новый устав Академии, которая определялась как «первенствующее ученое сословие в Российской империи» и была призвана выполнять три главные задачи, состоящие в научно-исследовательской работе, распространении просвещения и развитии практического применения научных результатов²⁹. Число ординарных академиков увеличилось с 18 до 21. Основные занятия членов Академии наук были сосредоточены в области точных и естественных наук. Лишь 6 мест отводилось представителям исторических и политических наук.

Среди гуманитарных дисциплин особое место занимали востоковедение и классическая филология. Занятия классической древностью находились под особым покровительством Уварова, который придавал большое значение культурной близости России с европейским Западом и видел их общий источник образованности в античности, прежде всего ее греческой части, важной для изучения русской истории и словесности. Представления об основополагающем значении классицизма для утверждения национальной культуры легли в основу всей образовательной политики Уварова как министра народного просвещения.

Признанием роли Востока в истории цивилизации и свидетельством растущего державного интереса к восточным соседям стало создание Азиатского музея в 1818 г. — скромное воплощение амбициозных замыслов Уварова открыть особую Азиатскую академию. Этот проект был подготовлен Уваровым в 1810 г. и получил большой резонанс как в России, так и на Западе, где ученый мир охватил настоящий «бум» изысканий в области востоковедения³⁰.

С.С. Уваров, действуя в духе своей идеологической программы, поощрял изучение отечественной истории. На деньги Академии была организована Археографическая экспедиция в 1828–1834 гг., беспрецедентная по достигнутым результатам. В 1834 г. для издания собранных экспедицией ма-

²⁸ Краткое известие об Императорской Российской Академии, от основания оной в 21 день октября 1785 года по 1840 год // Труды Имп. Российской Академии. СПб., 1840. Ч. 1. С. 90. (из хозяйственных сумм в 1837 г. отпустила 400.000 руб. на строительство Обсерватории на Пулковой горе).

²⁹ Устав Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, 1836 // Уставы Российской Академии наук. 1724–2009. М.: Наука, 2009. С. 113.

³⁰ *Ouvaroff S. Projet d'une Académie Asiatique.* SPb., 1810. Перевод на русский язык выполнен В. А. Жуковским: *Уваров С. С. Мысли о заведении в России Академии Азиатской* // Вестник Европы. 1811. № 1. С. 27–52; № 2. С. 94–116.

териалов, извлечения из архивов и публикации полного корпуса документов по русской истории Уваров учредил в составе Министерства народного просвещения Археографическую комиссию. Во главе комиссии он поставил своего ближайшего помощника по министерству П.А. Ширинского-Шихматова, а ее главными деятелями стали неутомимые исследователи книжных и архивных хранилищ П.М. Строев и Я.И. Бередников. Издания комиссии существенно обогатили отечественную историю.

Русистика и славистика не входили в перечень специальностей Академии наук, эти научные дисциплины являлись прерогативой Российской академии. Однако в 1830-е гг. деятельность последней была весьма унылой. Живший в молодости в здании Российской академии А.П. Милюков рассказывал, что ее изданиями, сваленными за ненадобностью на чердаке, часто топили печи³¹.

М.П. Погодин, посетивший Российскую академию в 1839 г., рассказывал, что он будто перенесся в середину XVIII столетия и видел перед собой Татищева и Щербатова: «Вот Поленов, который помнит еще Башилова, сотрудника и ученика Шлецера, и Пospelова, воспитанного Стриттером. Вот показывается и почтенный председатель, которого ведут под руки; вслед за ним идут два митрополита: Филарет Московский и Филарет Киевский. За ними шествуют два министра, Дашков и Блудов в сопровождении Жуковского»³².

По словам Я.К. Грота, «с претензией быть “стражем языка”, “охранительницей от вводимых в него злоупотреблений” и “наставницей возрастающего юношества”, Российская академия поставила себя во враждебное отношение ко всему живому в литературе и существовала так вяло, что, наконец, звание члена Российской академии сделалось почти синонимом жалкого тунеядства» (Приложение 1)³³. Поводом к упразднению Российской академии послужила последовавшая 10 апреля 1841 г. смерть ее 87-летнего президента А. С. Шишкова (док. 1).

Николай I повелел слить Российскую академию с Академией наук и уже 11 апреля поручил С. С. Уварову составить проект соединения двух академий³⁴. Едва ли перспектива разбавить выпестованную его ревностным трудом академию вливанием в нее весьма многочисленной и разношерстной по своему составу Российской академии пришлось Уварову по душе.

³¹ Милюков А.П. Воспоминания о Д.И. Языкове // Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 25–51.

³² Цит. по: Из воспоминаний М.П. Погодина о заседании в Российской академии (марта 1839 г.) // Файнштейн М.Ш. «И славу Франции в России превзойти...» Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб., 2002. С. 182.

³³ Грот Я.К. О Втором отделении академии наук // Грот Я.К. Труды. Т. 3. СПб., 1901. С. 442.

³⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 7. Подлинник. С пометой С. С. Уварова: «Его Императорского Величества собственною рукою написано карандашом: “Представьте мне проект соединения Российской Академии с Академией наук”. 11 апреля 1841 г. С. Уваров».

Невозможность соединения академий в одно целое Уваров объяснял разнородностью занятий каждой из них. В Российской академии ученый был редкий, хотя и желанный гость, в основном ее действительными членами были духовные лица, высшие сановники, военные и известные литераторы.

Через два месяца после смерти Шишкова, 11 июня 1841 г. Уваров представил свой проект реформы академий, однако он предполагал не столько слияние академий, сколько их разделение (док. 2). Более того, вместо двух академий Уваров предлагал, по подобию Французского института, создать три учреждения под одним названием «Императорские соединенные академии» — Академию наук, Академию русской словесности, или Славяно-русскую академию, и Академию истории и филологии. Ученым первой из них надлежало разрабатывать естественные и точные науки. Перед второй ставилась задача изучения русского языка, словесности и истории, а также славяноведения. Академию истории и филологии составляли входившие в круг деятельности академии науки исторические, политические и филологические³⁵.

В качестве эталона внутренней организации каждой из академий Уваров признавал структуру Академии наук и намеревался следовать ее уставу 1836 г. Предполагалось, что каждая из академий будет иметь собственное собрание действительных членов, или Конференцию, и своего неперменного секретаря. Уваров ходатайствовал о принятии наследником-цесаревичем великим князем Александром Николаевичем (будущим императором Александром II) звания канцлера Императорских соединенных академий. Однако Николай I не дал своего согласия ни на учреждение трех академий, ни на звание канцлера. Предложенное преобразование показалось ему слишком громоздким³⁶.

Незамедлительно, 12 июня 1841 г., последовало указание императора усилить научное назначение преобразованного учреждения и дать ему менее сложное устройство. Для упрощения административного управления Николай I повелел, чтобы «под общим названием Императорской Академии наук состояло бы три отделения: первое, или собственно Академия наук (*Sciences exactes*); второе отделение словесное, в коем заключалась бы и Российская академия; третье отделение истории и древностей, с коим поставить в сношение и Археографическую комиссию»³⁷.

³⁵ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 8. СПб., 1887. С. 489–492. Подлинник: РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 12–19. О соединении Академии Российской с Академией наук.

³⁶ Вспомним хотя бы объяснения Николая I, данные им маркизу де-Кюстину в 1839 г.: «К счастью, административная машина в моей стране крайне проста, иначе, при огромных расстояниях, являющихся серьезным для всего препятствием, и при более сложной форме управления, головы одного человека оказалось бы недостаточно»: Маркиз де-Кюстин. Николаевская Россия. М.: Терра, 1990. С. 95 (глава VIII).

³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 12. Резолюция Николая I записана рукой Уварова и начинается словами: «Государь император высочайше повелел...»

Вслед за этим Уваров учредил Комитет нового устройства Императорской Академии наук в составе представителей Российской академии и Академии наук. Комитет возглавил вице-президент Имп. Академии наук М.А. Дондуков-Корсаков, от Российской академии в него вошли непрременный секретарь Д.И. Языков и казначей А.Х. Востоков, от Академии наук — непрременный секретарь Н.И. Фус и академик-востоковед Х.Д. Френ³⁸.

К 7 августа 1841 г. Комитет подготовил проект нового академического устава и объяснительную записку к нему³⁹.

Проект нового устава 1841 г. предусматривал изменение структуры Академии наук и расширение круга ее деятельности по сравнению с задачами, изложенными в Уставе 1836 г. Прежде единая Конференция (Общее собрание) всех действительных членов разделилась на три класса: физико-математических наук; отечественного языка и словесности; историко-политических наук и филологии. В проекте представлено подробное исчисление наук, входящих в состав каждого класса. К новым направлениям работы относились славистика и русская филология. Проект предполагал существенное увеличение числа действительных членов: вместо 21 положенных по уставу 1836 г. ординарных академиков намечалось 36.

В 1841 г. было высказано пожелание укрепить престиж академических званий, а для этого ограничить число сторонних членов. «Цена, приписываемая чести избрания, — говорилось в объяснительной записке к проекту устава 1841 г., — соразмеряется с трудностью приобретения этой чести»⁴⁰. Звание почетных членов оставили за представителями высшей бюрократии Российской империи. Для почетных членов из ученых ввели особое звание почетного академика, которое соответствовало званию *Associé étranger* Парижской академии наук. Новым званием отмечались заслуги первостепенных, преимущественно иностранных ученых.

Устанавливались ограничения для числа членов-корреспондентов — 135 человек. Эта вынужденная мера объяснялось тем, что число корреспондентов непомерно возросло: с 1830 по 1841 г. ежегодно избиралось в среднем по 15 человек; и за это время их общее количество увеличилось почти на сто человек. Неизбежным следствием относительной легкости приобретения этого звания было уменьшение уважения к нему со стороны ученых. В разряд корреспондентов допускались только ученые, а для лиц, которые оказывали Академии разного рода услуги и отличались усердием в сборе полезных для нее материалов и коллекций, учреждался особый разряд сотрудинок.

³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 20.

³⁹ «Устав Императорской С.Петербургской Академии наук. 1841 г.» (РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 36–58. Подлинник); «Объяснительная записка о предлагаемом в Уставе и Штате Императорской Академии наук изменениях и дополнительных к оным статьях по поводу присоединения к сей академии класса русского языка и словесности» (РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 63–74. Подлинник. СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1841. Д. 5. Л. 7–12. Черновик).

⁴⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 67.

Статьи проекта нового устава 1841 г. о сторонних членах были использованы во время подготовки «Положения о сторонних членах» 1843 г. и вошли в него лишь с небольшими коррективами. По каким-то причинам «Положение» не было утверждено императором, но с разрешения президента С.С. Уварова, который одновременно был министром народного просвещения, Общее собрание стало руководствоваться теми статьями этого проекта, которые относились к избранию членов-корреспондентов⁴¹.

Проект нового устава обладал рядом несомненных достоинств и был представлен 7 августа 1841 г. в Министерство народного просвещения, однако не получил дальнейшего движения. Проект внимательно изучили товарищ министра народного просвещения П.А. Ширинский-Шихматов и сам министр С.С. Уваров и оставили на полях документа множество помет⁴².

Главным камнем преткновения на пути реформы была неизбежность существенного увеличения финансирования. Авторы проекта рассчитывали покрыть новые издержки за счет средств Российской академии, которая имела большие сбережения и обладала ценным движимым и недвижимым имуществом: библиотекой, нумизматической коллекцией, собранием портретов и бюстов, типографией и словолитней и, наконец, зданиями⁴³.

18 июня 1841 г. Уваров возложил на М.А. Дондукова-Корсакова и Н.И. Фуса поручение представить свои соображения «о слиянии хозяйственной части двух академий в одно стройное целое и соразмерение штатных издержек со сложностью доходов»⁴⁴. Таким образом, к научным намерениям примешивались чисто практические соображения.

Министерство народного просвещения позаимствовало часть капитала присоединяемой Российской академии на «обзаведение» Главной

⁴¹ Начиная с 1843 г. кандидаты предлагались по представлению, по крайней мере, трех академиков, а не одного, как было прежде; для избрания требовалось присутствие на заседании 3/4 всего состава действительных членов, причем в поддержку должно быть подано квалифицированное большинство избирательных голосов — 2/3 от числа проголосовавших.

⁴² *Сухомлинов М.И.* История Российской Академии. Вып. 7. СПб., 1880. С. 379–380.

⁴³ По словам П.А. Вяземского, «Крылов, как член старой Российской Академии, был недоволен хозяйственными и экономическими распоряжениями ее. Капитал, которым она владела, не употребляла она на пользу русской словесности, не печатала полезных и дешевых книг, не изготовляла новых, улучшенных изданий наших классических писателей, не помогала молодым талантам. “Куда копите вы деньги свои? — спрашивал он академическое правление. — Разве на приданое Академии, чтобы выдать ее замуж за Московский университет?” Свадьба не состоялась; но после смерти Шишкова значительный академический капитал был отобран. Богатая невеста замуж не вышла, и как сиротка пристроена была к другому месту и под другим именем. Для старых академиков это был жестокий удар»: *Вяземский П.А.* Старая записная книжка. 1813–1877. М., 2003. С. 442.

⁴⁴ См. черновик письма С.С. Уварова непременно секретарю Императорской Академии наук Н.И. Фусу от 18.06.1841. РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34. Л. 27–27 об.

астрономической обсерватории в Пулкове, остальной капитал был обращен в казну. В казну перешло и громадное здание Российской Академии на 1-й линии Васильевского острова. Типографию предполагалось соединить с Типографией Академии наук, коллекции влить в состав музеев Академии наук. Сначала предполагалось, что Российская академия должна принести все эти жертвы «в замену той суммы, которой по новому проекту предполагено увеличить ее штат»⁴⁵.

Однако в Министерстве народного просвещения посчитали, что содержание новых академиков по русской словесности будет обременительно для казны, поэтому сохранили тот порядок вознаграждения действительных членов, который был принят в Российской академии. Согласно уставу 1818 г. Российская академия была «сословием свободным», и ее члены не получали ни жалованья, ни пенсий, исключение составляли только неперемный секретарь и казначей, получавшие ежегодное жалованье. Всем остальным членам назначалась плата за посещение заседаний, а кроме того, «денежные единовременные вознаграждения и ежегодные ободрения и награды тем, кои совершают какой-либо важный труд, или приносят отличную пользу»⁴⁶.

Для нового подразделения Академии наук было составлено особое «Положение об Отделении русского языка и словесности» и «Штат Отделения русского языка и словесности», в которых нашли отражение основные положения хитроумной реформы. Автором «Положения», по видимому, был сам С.С. Уваров.

В октябре 1841 г. «Положение» и «Штат» были уже готовы. Штат нового отделения был ограничен суммой 1572 руб. 70 коп. серебром и был меньше штатных сумм, которые ежегодно ассигновались на Российскую академию и составляли 17 218 руб. 45 1/7 коп. Излишек в 1945 руб. 75 1/7 коп., оставшихся от штата Российской академии, ежегодно шел на усиление экономической суммы Академии наук⁴⁷.

Но Уваров все медлил представить их императору. Николай I был недоволен проволочкой, и когда 14 октября 1841 г. Уваров подал ему доклад по поводу медали, выбитой на 50-летие Российской академии, Николай I написал на докладе: «Пора кончать с делом академии: я все жду»⁴⁸. На следующий день, 15 октября, Уваров представил императору «Положение» и «Штат» нового отделения.

Дело о Российской академии было кончено 19 октября 1841 г., когда Николай I утвердил «Положение об Отделении русского языка и словесности при Императорской Академии наук» (док. 7) и «Штат Отделения русского языка и словесности» (док. 8).

⁴⁵ Там же. Л. 75–76 об.

⁴⁶ Соответствующие статьи расходов составляли 3000 руб. и 15 000 руб. ассигнованиями: ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 44. Книга штатов. Ч. 2. С. 151. № 30197.

⁴⁷ Там же. Отд. 2. Приложения. I. Штаты и табели. С. 188.

⁴⁸ *Сухомлинов М. И.* История Императорской Российской Академии. Т. 8. СПб., 1886. С. 364.

Рескрипт Николая I об учреждении Отделения русского языка и словесности был прочитан на первом Общем собрании трех отделений, которое состоялось 20 декабря 1841 г., причем протокол этого заседания был впервые написан на русском языке (док. 19).

С присоединением к Академии наук Российской академии коренным образом изменилась структура Академии наук: единая прежде Конференция (Общее собрание всех действительных членов) была разделена на три отделения: физико-математическое (I отделение), отделение русского языка и словесности (II отделение) и историко-филологическое (III отделение).

В Академии наук Отделение русского языка и словесности заняло центральное место и составило своего рода связующее звено двух частей Академии наук. Как сказано в отчете ОРЯС за 1842 г., «Отделение русского языка и словесности, поставленное посреди двух отделений Академии наук, действует, так сказать, центрально — и вся академия к главной своей цели движется вместе и нераздельно» (док. 27).

В результате проведенной в 1841 г. реформы гуманитарные науки заняли в Академии наук доминирующее положение, и в ней заняли свое место русская филология и славистика.

В «Положении» были очерчены задачи отделения, состоявшие в исследовании русского языка и других славянских языков, в составлении грамматики и словаря русского языка, в разработке истории русской словесности; изящная словесность и отечественная история были объявлены второстепенными предметами занятий отделения. Таким образом, из прежнего учреждения с неопределенным кругом деятельности была создана коллегия с ясно выраженным научным назначением.

Особый параграф «Положения» предусматривал связь отделения «в отношении к историческим памятникам языка и древней письменности русской» с Археографической комиссией.

Отделение русского языка и словесности получило организацию, отличную от внутреннего устройства двух других отделений. Количество академиков было определено в 16, а адъюнктов в 4, причем академиками отделения могли быть и ученые, находившиеся вне Петербурга. На членов ОРЯС не распространялись все те служебные права, какие были предоставлены всем другим академикам: хотя они считались находящимися на государственной службе (за исключением особ духовного звания), они не получали ни жалованья, ни пенсий.

По свидетельству П.А. Вяземского, «министра Уварова осуждали за эту реформу. В лирическом негодовании своем иные даже утверждали, что он этим преобразованием оскорбляет память Екатерины Великой: она была основательницей Академии, в лице княгини Дашковой была сама почти членом Академии. Довольно долго раздавались жалобы, сетования и упреки. Конечно, кажется, лучше было бы не трогать Академии, не нарушать личных преимуществ ее. Она уже пользовалась правом гражданства в составе государства; принесла не столько пользы, сколько могла принести, но все же не совсем праздно просуществовала. Некоторыми нововведениями

и улучшениями можно было еще возвысить влияние ее на любознательную и просвещенную публику»⁴⁹.

Уваров не мог решиться перевести в свою академию всех членов Российской академии без какого-либо разбора: он был в ужасе от того, что его тщательно подобранную Академию наук заполонит толпа праздных, за единичными исключениями, литераторов. Чтобы уберечь Академию наук от лишних гостей, Уваров наметил в ординарные академики лишь 14 из 60 действительных членов Российской академии.

Уваров чувствовал себя полновластным «царем просвещения» и умело проводил кадровую политику, пользуясь своей властью министра. Напомним, что еще в середине 1830-х гг. он одним махом решил проблему кадрового обновления состава профессоров университетов⁵⁰. Подготовленный им и утвержденный в 1835 г. «Общий устав императорских российских университетов» ограничил срок учебной службы 25 годами и ввел звание «заслуженного профессора», что позволило отправить на пенсию дряхлых, безнадежно отставших от науки профессоров и заменить их свежими силами, которые много содействовали обновлению и возрождению российских университетов.

В 1841 г. Уваров вновь применил «ручной способ» формирования ученой корпорации. Он обратился к императору с просьбой даровать ему право «на первый раз» самому назначить членов вновь созданного отделения. Разрешение на это было дано. В дальнейшем члены ОРЯС избирались по установленным в академии правилам.

Уваров предложил достойные кандидатуры. Ординарными академиками Императорской академии наук стали литераторы *Василий Андреевич Жуковский* (1783–1852), *Иван Андреевич Крылов* (1768–1844), *Петр Андреевич Вяземский* (1792–1878), *Владимир Иванович Панаев* (1792–1859).

Чтобы выказать уважение духовенству, Уваров пригласил в академию двух отцов церкви. Митрополит Московский и Коломенский *Филарет* (в миру *Василий Михайлович Дроздов*, 1782–1867) был известным религиозным и государственным деятелем, ректором Петербургской духовной академии, переводчиком и комментатором священных текстов. Епископ Харьковский и Вологодский *Иннокентий* (в миру *Иван Алексеевич Борисов*, 1800–1857), в прошлом ректор Киевской духовной академии, считался лучшим духовным оратором и проповедником своего времени; его истинным призванием была не наука, а искусство человеческого слова.

П.А. Ширинский-Шихматов, по мысли Уварова, должен был служить связующим звеном между академией и Археографической комиссией⁵¹.

⁴⁹ *Вяземский П.А.* Старая записная книжка. 1813–1877. М., 2003. С. 442–443.

⁵⁰ Подробнее см.: *Костина Т.В.* Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835–37 гг. // Уроки истории — уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т.Н. Жуковская, отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 234–242.

⁵¹ По отзыву П.М. Строева, П.А. Ширинский-Шихматов «приучил Археографическую комиссию работать, как говорится, с плеча, лишь бы поспевало к сроку

Единственным настоящим филологом в Российской академии был *Александр Христофорович Востоков* (1781–1864), основатель нового направления в языкознании, автор учебников, поэт, переводчик, археограф, палеограф и хранитель рукописей. Своими трудами он положил прочное основание славянской филологии, а любовь к русскому языку заставила его даже поменять родную фамилию Остенек на фамилию Востоков. Он один стоил всей Российской академии и стал украшением Академии наук⁵².

Из действительных членов Российской академии Уваров присоединил к отделению тех русских ученых, которые посвятили себя изучению России. *Константин Иванович Арсеньев* (1789–1865) — один из основоположников российской системы статистики; военный историк *Александр Иванович Михайловский-Данилевский* (1789–1848) — автор первой официальной истории Отечественной войны 1812 г., написанной по заданию Николая I.

Уваров соединил в отделении непримиримых оппонентов: в состав ОРЯС вошли, с одной стороны, *Михаил Тимофеевич Каченовский* (1775–1842) — родоначальник и глава русской скептической школы в историографии, отрицавший достоверность летописей, с другой стороны, историки официального направления, *Михаил Петрович Погодин* (1800–1875) и *Петр Григорьевич Бутков* (1775–1857), выступавшие защитниками самобытности начальной русской летописи и древнейшей русской культуры.

Чиновник Министерства народного просвещения, бывший секретарь Российской академии *Дмитрий Иванович Языков* (1773–1845) был известен главным образом как переводчик, издатель и комментатор исторических памятников. В Академию наук он перешел в своей прежней должности: он был назначен делопроизводителем отделения (док. 13).

Уваров посчитал необходимым укрепить новое отделение профессорами словесности двух ведущих университетов страны, Петербургского и

двухгодичных наград, которых и его сиятельство схватил не мало; оттого-то такое множество промахов в комисских изданиях, а указатели ее (между нами будет сказано) никуда не годятся»: Письмо П.М. Строева М.А. Коркунову от 23 мая 1855 г. Цит. по: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 524.

⁵² В.И. Срезневский, биограф А.Х. Востокова, отмечает: «Болезненный, слабый, не имея возможности получить того образования, какое ему было нужно, он все-таки одолел препятствия и вышел на свою дорогу, хотя и не всеми признанный, не всеми усвоенный и понятый. Как истинный ученый, он и не добивался такого признания. Он не выставлял своих заслуг, не смотрел презрительно на собратьев по науке, как обычно смотрят мнящие о себе люди, и, благодаря этому чванные своими знаниями посредственности нередко затирали его; они свысока судили о его трудах, позволяли себе покрикивать на него в заседаниях Академии, перечеркивать его рукописи, понижать цену при оплате его сочинений. Но давно забыты эти важные чиновные знатоки, а память о скромном, молчаливом и заикающемся старце стоит перед потомством ясной и светлой»: *Срезневский В.И.* Первые сорок лет жизни и трудов Востокова. Пг., 1915. С. 21.

Московского, и назначил академиками *Петра Александровича Плетнева* (1792–1865) и *Ивана Ивановича Давыдова* (1794–1863).

Адъюнктами Уваров сделал профессоров русской словесности *Михаила Петровича Розберга* (1804–1874) из Дерптского университета и *Степана Петровича Шевырева* (1806–1864) из Московского университета и двух активных сотрудников Археографической комиссии — историков и археографов *Якова Ивановича Бередникова* (1793–1854) и *Павла Михайловича Строева* (1796–1876).

На заседаниях Общего собрания (Конференции) академики занимали места по старшинству вступления их в это звание. С разделением академии на отделения в каждом из них соблюдался тот же порядок. Так как академики по Отделению русского языка и словесности в высочайшем повелении об утверждении их в этом звании были названы по азбучному порядку, то, кроме председательствующего, который должен был сидеть возле вице-президента, академики занимали места в алфавитном порядке. Если на заседаниях присутствовал митрополит, то ему уступали место вице-президент и председательствующий (док. 18).

25 действительным членам бывшей Российской академии, не попавшим в число академиков и не имевшим звания почетных членов Академии наук, было присвоено звание почетных членов Отделения русского языка и словесности. Однако после 1841 г. это новое звание никому больше не давалось, а со смертью последнего почетного члена ОРЯС протоиерея В.Ю. Бажанова в 1882 г. оно прекратило свое существование.

Председательствующий в отделении

Отделение русского языка и словесности сосредоточилось на одной области знания — славяно-русской филологии, и, в отличие от двух других отделений, в нем отсутствовало подразделение на специальности. Благодаря близкой связи отдельных дисциплин, составлявших предмет занятий отделения, члены его представляли собой ученую коллегию, где каждый научный вопрос в большей или меньшей степени затрагивал специальности каждого участника. Своего рода объединяющим центром отделения был его председательствующий, который служил связующим звеном между отделением и сторонними учеными.

Согласно «Положению» об отделении, председательствующий избирался президентом Академии наук и утверждался министром народного просвещения на два года. В отличие от остальных членов отделения, председательствующий получал жалованье наравне с членами двух других отделений — 1429 руб. 60 коп. серебром в год.

Не было ничего неожиданного в том, что первым председательствующим был назначен П.А. Ширинский-Шихматов, для которого эта должность, может быть, и была создана.

Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790–1853) имел большой опыт в практической администрации. Ревнитель православия и

усердный сын церкви, он разделял литературные воззрения А.С. Шишкова и в свое время пришелся по сердцу седовласому старцу. Когда в 1824 г. Шишков был назначен министром народного просвещения, он сделал Ширинского-Шихматова «своим правым ухом и правой рукой», по отзыву современников⁵³. Отставка Шишкова в 1826 г. никак не отразилась на его положении, он продолжал занимать высшие должности в министерстве.

Положение Ширинского-Шихматова еще более укрепилось с приходом нового министра, друга его юности, С.С. Уварова. Ширинский-Шихматов был преданным единомышленником Уварова, был «сладок в речах, добродетелен, сострадателен и точен; что токмо брался делать, легко все обозревал, отлично на все составлял суждение благогласно»⁵⁴. Уваров нашел в нем способного исполнителя своих распоряжений и в 1834 г. поставил во главе Археографической комиссии, в 1841 г. назначил председателем созданного их совместными усилиями Отделения русского языка и словесности, и, наконец, в 1842 г. сделал товарищем министра. П.М. Строев, хорошо знавший Ширинского-Шихматова по деятельности в Археографической комиссии, говорит, что он, «как чистый бюрократ, не был способен понимать интересов науки, ученые затруднения разрешал самовластием и был, так сказать, олицетворенная канцелярская форма»⁵⁵.

По словам самого Ширинского-Шихматова, у него не было «ни своей мысли, ни своей воли»⁵⁶, всю свою жизнь он был тенью своего начальника и неукоснительно выполнял его предписания. В ОРЯС Ширинский-Шихматов передавал волю Уварова, который наметил основные задачи для петербургской и московской групп академиков: в Петербурге должны были заняться изданием словаря русского языка, в Москве — позаботиться о подготовке русской грамматики.

Ширинский-Шихматов сделал первые распоряжения относительно порядка занятий отделения и организации его «инфраструктуры». Первое заседание отделения пришлось перенести с ноября на декабрь из-за того, что на Неве не установился лед: оно состоялось 23 декабря 1841 г. На этом заседании Ширинский-Шихматов предложил на рассмотрение членов ОРЯС план занятий отделения. Прямые обязанности академиков он разделил на исследования индивидуальные, или особенные, и труды совокупные, в которых участвуют все или многие из членов отделения и за которые отделение отвечало в полном своем составе. Совокупные, или коллективные, труды касались, прежде всего, нужд отечественного просвещения: отделение должно было позаботиться об издании словаря русского языка и русской грамматики (док. 21).

⁵³ Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // Русская старина. 1896. Т. 87. № 7. С. 178.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Письмо П.М. Строева А.А. Кунику от 14 марта 1858 г. Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 568.

⁵⁶ Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. Т. 1 (1826–1857). М., 1955. С. 392. Запись 13 декабря 1854 г.

Хотя Отделение русского языка и словесности было многочисленным, в его непосредственной работе принимали участие в лучшем случае 7 действительных членов (К.И. Арсеньев, П.Г. Бутков, Я.И. Беренников, А.Х. Востоков, П.А. Плетнев, П.А. Ширинский-Шихматов, Д.И. Языков). Поэтому уже при открытии отделения председательствующий позаботился об усилении его научного состава и получил разрешение Уварова пригласить к постоянному участию в трудах отделения своих коллег по словарному комитету Российской академии: почетного члена Академии наук В.А. Поленова и почетных членов ОРЯС М.Е. Лобанова и И.С. Кочетова. К концу 1840-х гг. все трое были возведены в звание ординарных академиков.

Ширинский-Шихматов назначил отделению собираться для совместного обсуждения текущих дел один раз в неделю по субботам, т. е. вдвое чаще, чем это делали Физико-математическое и Историко-филологическое отделения, собиравшиеся на свои заседания один раз в две недели; Общее собрание всех членов Академии проходило один раз в месяц. Заседания ОРЯС проводились не в Академии наук, а на квартире Ширинского-Шихматова.

8 членов ОРЯС проживали за пределами Петербурга. Пять московских членов вызвались деятельно участвовать в общих занятиях отделения, которое с признательностью приняло это предложение и составило из них Московскую временную комиссию, возложив на нее составление русской грамматики (док. 23). В Московскую группу входили Каченовский, Погодин, Строев, Давыдов и Шевырев. Главным деятелем комиссии был ее председатель академик И.И. Давыдов. После того, как в 1847 г. Давыдов переехал в Петербург, обезглавленная Московская комиссия была закрыта.

В 1849 г. С.С. Уваров был уволен с должности министра народного просвещения, и его место занял П.А. Ширинский-Шихматов, который был «не предприимчив и робок»⁵⁷. В истории министерства это был редкий случай нарушения иерархии, подчинения начальника своему бывшему подчиненному. С.С. Уваров не перенес этого унижения, с ним сделался удар, от которого он так и не оправился.

Вступив в должность министра, П.А. Ширинский-Шихматов сложил с себя обязанности председательствующего в ОРЯС.

В 1850 г. Ширинский-Шихматов передал свои полномочия председательствующего в ОРЯС *Василию Алексеевичу Поленову* (1776–1851), который фактически «исправлял» эту должность с сентября 1849 г. (док. 54). Питомец академической гимназии, большую часть жизни он служил в Коллегии иностранных дел, где был управляющим департаментом хозяйственных дел и занимался разбором и приведением в порядок архива. В 1834 г. Поленов был назначен управляющим Государственным архивом, учрежденным при Министерстве иностранных дел, который открывался очень немногим. В 1840-е гг., по отзыву Н.Г. Устрялова, которому удалось

⁵⁷ Письмо П.А. Плетнева П.А. Вяземскому 14 (26) февраля 1850 г. // Сочинения и переписка П.А. Плетнева / По поручению Второго отделения Имп. Академии наук издал Я. Грот. Т. 3. СПб., 1885. С. 403.

туда проникнуть, Поленов был уже «человек старый, тяжелый, большой формалист»⁵⁸. Свои досуги Поленов посвящал литературным занятиям и филологическим исследованиям. В 1828 г. Российская академия избрала его в число своих действительных членов. В Отделении русского языка и словесности Поленов был первым избранным академиком (см. ниже).

После смерти В.А. Поленова, последовавшей летом 1851 г., место председателя занял академик *Иван Иванович Давыдов* (1794–1863) (док. 61). В молодые годы Давыдов, будучи разносторонне образованным человеком, обладавшим редким даром красноречия, прослыл «освежающим элементом» в жизни Московского университета, где его лекции как приверженца Шеллинга внесли новую струю в преподавание философии и «нарушили благодушную рутину старого времени». Однако в 1826 г. они послужили к запрещению чтения философии в университете вплоть до 1845 г.

Постигшая Давыдова катастрофа превратила его из либерала в выразителя крайностей официальной народности. В своей работе «Возможна ли у нас германская философия» он поспешил выразить свое отношение к триаде Уварова как к единственному, по его мнению, правильному пути развития России и русской философии⁵⁹.

С 1831 г. Давыдов читал в Московском университете лекции по истории русской литературы. Это его лекцию 27 сентября 1832 г. посетил Уваров в сопровождении Пушкина. *Будущий писатель, а тогда студент Московского университета, И.А. Гончаров вспоминал: «Поэт вошел, сопровождаемый графом С.С. Уваровым, и точно солнце озарило всю аудиторию. <...> Читал лекцию Давыдов, профессор истории русской литературы. “Вот вам теория искусства, сказал Уваров, обращаясь к нам, студентам, и указывая на Давыдова, – а вот и самое искусство”, – прибавил он, указывая на Пушкина»*⁶⁰. А в 1842 г. из желания угодить тому же Уварову, который не мог простить поэту направленной против него оды «На выздоровление Лукулла» (1835), в лекции по истории русской литерату-

⁵⁸ Устрялов Н.Г. Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 17. № 8. С. 629. Ср. отзыв П.А. Плетнева: «При жизни я меньше уважал его, потому что нескончаемые его вежливости превращали в китайскую сцену всякое с ним свидание. Но когда сын его привез ко мне тетради покойника, я был умилен этой тайной и непрерывной деятельностью старика, в котором никто и не подозревал стремления к званию литератора»: Письмо П.А. Плетнева Я.К. Гроту от 26 марта 1852 г. // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 578.

⁵⁹ Москвитянин. 1841 г.

⁶⁰ Гончаров И.А. Воспоминания // Гончаров И.А. Собрание сочинений. Т. 7. М., 1954. С. 207–208. По поводу предстоящего посещения Московского университета Пушкин писал жене: «Сегодня еду слушать Давыдова, профессора; но я ни до каких Давыдовых, кроме Дениса, не охотник, а в Московском университете я оглашенный. Мое появление произведет шум и соблазн, а это приятно щекотит мое самолюбие». Ожидания Пушкина не оправдались. Он был принят университетом с большим почетом.

ры, прочитанной в присутствии министра, Давыдов «вовсе не упомянул о Пушкине»⁶¹.

И.А. Гончаров вспоминал, что от Давыдова «веяло холодом, напускной величавостью, которая быстро превращалась в позу покорности и смирения при появлении какой-нибудь важной персоны из начальства»⁶².

В 1847 г. Давыдов получил назначение в Петербург директором Главного педагогического института, который он полностью реформировал. Однако он сам разочаровался в своих преобразованиях, и в 1858 г. в Министерстве народного просвещения посчитали за благо закрыть институт, а самого Давыдова с новым назначением отправить обратно в Москву.

Вскоре после своего назначения председательствующим Давыдов представил отделению свой план занятий, в котором наметил обширный круг лексикографических работ и предложил «Программу для собирания образцов народного языка и словесности» (док. 91). Давыдов привлекал к участию в словарных работах отделения студентов вверенного ему Главного педагогического института. В бытность его председательствующим было положено начало повременному изданию отделения.

В начале 1859 г., в связи с переездом в Москву, Давыдов сложил с себя звание председательствующего (док. 115). Это был известный «ловец пред господом житейских благ» (выражение А.В. Никитенко), интриган и в жизни, и в науке, поэтому в отделении он оставил о себе недобрую память⁶³. После его смерти в 1863 г. члены отделения просили академика А.В. Никитенко вовсе не говорить о нем в годовом отчете, «так как дурно, то есть

⁶¹ *Никитенко А.В.* Дневник. В 3-х т. Т. 1 (1826–1857). М., 1955. С. 243. Запись 16 января 1842 г.

⁶² *Гончаров И.А.* Воспоминания // *Гончаров И.А.* Собрание сочинений. Т. 7. М., 1954. С. 213. «Мы чутко презирали в нем что-то искусственное, декоративное. Высокого роста, несколько сутуловатый, с довольно благообразным лицом, умными серыми глазами, с мерными, округленными жемами, он держал себя с условным достоинством; речь его была плавная, исполненная приличия».

⁶³ Ср. отзыв о нем историка С.М. Соловьева: «Это был человек бесспорно очень даровитый, могший принести большую пользу науке, если бы посвятил ей всего себя, но он посвятил всего себя для удовлетворения самого мелкого честолюбия; для достижения почестей он считал все средства позволительными: ни почем ему было очернить человека, загораживающего ему дорогу, унизиться до самой невообразимой лести пред человеком сильным и пред лакеями человека сильного <...> Получив первую звезду, Станислава, Давыдов не постыдился объявить, что высшие ордена производят удивительное влияние, что он чувствует себя нравственно лучше, выше, получивши звезду... Пресмыкаясь перед сильными, он требовал пресмыкания перед собою от всех, которые были ниже его, и горе человеку, в котором он заподозрит недостаток раболепства!» См. *Соловьев С.М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // *Избранные труды. Записки / Изд. подгот. А.А. Левандовский, Н.И. Цимбаев.* М., 1983. С. 257. (Впервые опубликовано: *Вестник Европы.* 1907. № 3–6.)

правдиво, о нем что-нибудь сказать, особенно с кафедры, не приходится, а хорошее все было бы сочтено за ложь, и никто бы этому не поверил»⁶⁴.

В 1859 г. кресло председательствующего занял *Петр Александрович Плетнев* (1792–1865). Критик и поэт, заботливый друг Пушкина, посвятившего ему своего «Евгения Онегина», Плетнев, близко знакомый со всем тогдашним литературным миром, являлся живой летописью изящной словесности. Хотя он не издавал чисто научных трудов, в своих критических статьях он обнаруживал глубокое эстетическое чувство и критический дар. Одним из первых в России он обратился к жанру биографического очерка, сочетая тонкий анализ творческого облика писателя с характеристикой литературного быта эпохи и собственными воспоминаниями.

В 1832 г. Плетнев был назначен профессором русской словесности Петербургского университета, а в 1840–1861 гг. был его ректором. В 1833 г. Плетнев взялся поддержать и развить доктрину «народности», выработанную Уваровым и посвятил вопросу о народности в литературе целую речь на годичном акте в Петербургском университете, в которой он рассматривал греческую литературу с точки зрения патриотизма и художественной выразительности⁶⁵.

По отзыву И.С. Тургенева, «как профессор русской литературы, он не отличался большими сведениями, ученый багаж его был весьма легок; зато он искренно любил “свой предмет”, обладал несколько робким, но чистым и тонким вкусом, и говорил просто, ясно, не без теплоты»⁶⁶.

Обремененный множеством служебных обязанностей по университету, Плетнев называл себя в шутку «отчетной машиной». Действительно, в качестве ректора он каждый год составлял отчеты о деятельности университета. Такие же отчеты составлял он и по Отделению русского языка и словесности со времени его образования. Эти литературные обозрения, по справедливому отзыву Я.К. Грота, «богатые сведениями для истории русского просвещения 40-х и 50-х годов, будут всегда служить свидетельством редкого умения выполнять с возможным тактом, ловкостью и оживлением задачу труда сухого и неблагодарного»⁶⁷. Сам Плетнев так оценивал продукты своего труда: «Мои академические отчеты одним похвалиться могут: они сообщают отделению вид порядочного общества, хотя в сущности этого не бывало. В самом деле, каждый ученый сам по себе гораздо более может сделать, нежели как член академии. Биографии действитель-

⁶⁴ *Никитенко А.В.* Дневник. В 3 т. Т. 2 (1858–1865). М., 1955. С. 382. Запись 1 декабря 1863 г.

⁶⁵ *Плетнев П.А.* О народности в литературе. Рассуждение, читанное в торжественном собрании Имп. СПб университета орд. проф. оног. Плетневым, 31 августа 1833 г. // ЖМНП. 1834. Генварь. С. 2.

⁶⁶ *Тургенев И.С.* Литературные и житейские воспоминания: Литературный вечер у П.А. Плетнева // Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Т. 11. М., 1982. С. 17.

⁶⁷ *Грот Я.К.* Некролог П.А. Плетнева // Труды Я.К. Грота. Т. 3. Очерки из истории русской литературы (1848–1893). Биографии, характеристики и критико-библиографические заметки / Изд. под ред. проф. К.Я. Грота. СПб., 1901. С. 292.

но пригодятся для какого-нибудь копуна, которому дорого иногда узнать и цифру»⁶⁸.

Плетнев помещал в отчетах некрологи скончавшихся в течение года членов отделения. Краткие биографии-поминки Плетнева написаны с сердечной теплотой и воздают достойное труженикам науки и словесности. «Конечно, как члены бывают разного рода, так и биографии мои, — писал Плетнев Жуковскому в 1852 г. — Но мне все-таки весело помянуть от души добрым словом человека, который чем-нибудь в жизни своей согрел мое сердце»⁶⁹.

Написанные Плетневым некрологи служат важным и любопытным материалом для истории русской литературы и филологической науки, и сами по себе представляют своеобразное и достойное изучения явление в отечественной словесности⁷⁰.

Плетнев никаких «громких» дел не совершил, но он имел в отделении несомненное нравственное влияние. Обладая приветливостью, ровностью и мягкостью в обращении, он умел с замечательным тактом сглаживать неизбежные в научном коллективе противоречия и недовольства. Плетнев создал в ОРЯС ту атмосферу доверия и доброго товарищества, которой в последующие 70 лет так дорожили члены отделения⁷¹.

⁶⁸ Письмо П.А. Плетнева Я.К. Гроту от 26 марта 1852 г. // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 578.

⁶⁹ Письмо А.А. Плетнева В.А. Жуковскому от 4 (16) февраля 1852 г. // Сочинения и переписка П.А. Плетнева / По поручению Второго отделения Императорской Академии наук издал Я. Грот. Т. 3. СПб., 1885. С. 727–728.

⁷⁰ Сам Плетнев дорожил своими биографическими зарисовками и не раз выражал желание, чтобы Я.К. Грот потом собрал и издал эти биографии. Так, в отчетах отделения за первое десятилетие биографий оказалось 20. По словам Плетнева, «не все они равно достаточны; но все же хорошо, что и такие есть. В отчетах университетских найдется, если не более, по крайней мере, столько же. Представив полсотни верных указаний на жизнь и труды наших ученых, литераторов и почетных лиц, думаю, что я принес некоторую пользу истории русской литературы. Прибавь к этому почти десятилетнюю работу в Современнике, где все критики и библиографические отзывы о выходивших всех книгах русских писаны мною. Есть много и в других журналах критик, мною написанных. Таким образом, вся печатная деятельность моя состояла из биографии и библиографии. По смерти моей, конечно, на одном тебе останется обязанность дать этим разбросанным трудам систему и полноту»: Письмо П.А. Плетнева Я.К. Гроту от 20 февраля 1852 г. // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 573.

Грот исполнил только одно: он собрал и издал отчеты Плетнева, которые составили две книги. Предполагалось все биографии Плетнева из отчетов издать в 4-м томе его сочинений, но это сделано не было.

⁷¹ Нравственные качества Плетнева и его обширные сведения ценила и императорская семья. В 1858 г. Плетнев был представлен в качестве первого кандидата на должность попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. Но его бывший воспитанник Александр II сказал министру: «Я очень хорошо знаю Петра Александровича, люблю его и уважаю, но он так кроток, мягкосердечен и тих, что эта должность была бы ему в тягость». Плетнев пишет, что доволен

В 1863 г. Плетнев уехал лечиться за границу, но он сохранял звание председательствующего до марта 1865 г. После смерти Плетнева в конце декабря 1865 г. было решено не избирать председательствующего ввиду ожидавшейся реформы академии (подробнее см. ниже). Заведовал делами отделения делопроизводитель, а новый председательствующий был назначен только в 1884 г., когда было принято решение восстановить официальное звание председательствующего (док. 278).

Более 20 лет заданный Плетневым тон в отделении старался поддерживать его ближайший друг и помощник *Яков Карлович Грот* (1812–1893), которому в 1862 г. было поручено вести делопроизводство отделения (док. 140)⁷².

Тесная дружба с Гротом имела большое влияние на обоих друзей, до конца жизни они сохраняли постоянное общение, их обширная переписка имеет большую историко-литературную и мемуарную ценность. Примечателен отзыв Плетнева о филологической науке, высказанный им в одном из писем Гроту: «Твое пристрастие к филологии похвально как профессора, но может сделаться предосудительно, если ты этому скелету принесешь себя в жертву как человека»⁷³. Грот по-своему подтрунивал над Плетневым, одарив его эпитетом «литературной канцелярии».

Характеризуя роль Грота в отделении, И.В. Ягич писал: «В наших заседаниях он сам записывал, что нужно было вносить в протоколы, сам приготавливал выдержки для напечатания в Сборнике, сам вел всю редакцию Сборника, заботился о составлении под его наблюдением указателей, постоянно докладывал о ходе печатания наших изданий, вел переговоры с

тем, что «эта чаша прошла мимо», но все-таки замечает: «А сверх того, почему попечитель, самую этимологией призываемый к мягкости и кротости, должен действовать в духе нового Мусина?»: Письмо П.А. Плетнева Я.К. Гроту от 30 июля 1858 г. // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 655–656.

⁷² Ср. отзыв Плетнева о Гроде: «Это человек редких достоинств по деятельности умственной, по способностям к ученым занятиям, по моральным правилам, по религиозным убеждениям и по характеру счастливейшему, какой только встречался мне. Его философия ставит его вне всяких огорчений и мелочных неприятностей жизни. Труд и мудрость образовали для него на земле какой-то рай, непонятный для других. У него нет минуты, прекрасно не наполненной чем-нибудь. Другие в отправлении должностей видят средство к жизни и покою; у него наоборот: жизнь и успокоение служат средством к достижению единственной его цели — всестороннего самосовершенствования»: Из письма П.А. Плетнева к В.А. Жуковскому // Русский архив. 1870. Т. 7. Стлб. 1282. Письмо 2 марта 1845 г.

⁷³ И далее: «Помни, что нравственные перевороты совершаемы были живым словом, а не мертвыми слогами или буквами. Подумать страшно, если ты все свои сокровища языкознаний принесешь в жертву сухим разысканиям корней, склонений и спряжений, вместо того, чтобы беспрестанно составлять букеты цветов для украшения человеческого духа»: Письмо П.А. Плетнева Я.К. Гроту от 4 апреля 1845 г. // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 2. СПб., 1896. С. 438.

типографией и т. д. Во всем этом выказывалась его изумительная аккуратность и добросовестность; его же товарищеское чувство вызывало нашу беспредельную преданность. Я не помню случая, когда бы у нас произошли какие-либо разногласия — столь разумно и убедительно вел он дела»⁷⁴.

В должности делопроизводителя отделения, а затем председательствующего, Грот сосредоточил в себе все обязанности отделения как самостоятельной корпорации и исполнял роль посредника между отделением и остальной Академией, а также русским обществом.

Члены отделения придерживались того кодекса чести, который сформулировал Яков Карлович в день 50-летия своего служения науке и литературе в 1882 г.: «Действовать открыто и прямо, чуждаться всякой интриги, вести дела коллегиально, законно и беспристрастно, уважать свободу мнений и слова, идти навстречу всякому добросовестному труду, всякому справедливому желанию, наконец, энергически охранять честь учреждения, которому великий его Основатель завещал высокую цель служить науке на пользу России и русского народа — таковы были правила, которые я всегда считал обязательными для каждого честного академика» (док. 263).

Избрание действительных членов

Согласно § 5 «Положения об ОРЯС» избрание академиков и адъюнктов отделения производилось в Общем собрании Академии наук, на основании ее устава, «из кандидатов, предложенных от Отделения русского языка и словесности». Адъюнктура была низшей степенью академического звания, но по прошествии 6 лет адъюнкт мог быть удостоен звания экстраординарного академика. В Академии не было вакантных кафедр экстраординарных академиков, потому что это звание предназначалось только для поощрения адъюнктов. Замещение кафедры ординарного академика было возможно только после ее освобождения, которое происходило обычно со смертью академика и крайне редко в связи с его увольнением.

В отличие от двух других отделений, Физико-математического и Историко-филологического, Отделение русского языка и словесности не имело приуроченных к определенным предметам кафедр и руководилось в пополнении своего состава или текущими нуждами, или появлением выдающегося ученого, работа которого отвечала задачам отделения. Предполагалось, что претендент владеет не только обширными знаниями и приемами строгой науки, но и искусством изложения.

Когда появлялась вакансия, члены отделения намечали подходящего кандидата и обращались к нему за согласием подвергнуться баллотирован-

⁷⁴ Ягич И. В. Воспоминания о Я. К. Гроде // Памяти академика Якова Карловича Грота (род. 15 декабря 1812 г., скончался 24 мая 1893 г.): Торжественное чествование 100-летней годовщины его рождения Императорской Академией наук 16 декабря 1912 года. Отд. отт. СПб., 1914 г. из: Сборник ОРЯС. 1914. Т. 90. Прил. № 3. С. 67 (С. 63–74).

нию. Избрание в действительные члены Академии было большой честью для ученых, но личные мотивы и материальные соображения вынуждали некоторых отказаться от лестного предложения. Так, в 1863 г. бывший профессор Казанского университета В.И. Григорович отклонил приглашение отделения стать кандидатом в действительные члены в связи с переездом на юг России. В 1865 г. профессор Московского университета после продолжительных переговоров не стал баллотироваться в Академию.

Как правило, ученые давали свое согласие и становились кандидатами. Тогда председательствующий или один из членов отделения составлял записку о его научных трудах. После официального обсуждения достоинств кандидата происходила его баллотировка собранием членов отделения, а в случае ее благоприятного исхода кандидат подвергался второй баллотировке на Общем собрании всех членов Академии, причем для избрания нового действительного члена требовались «голоса» «не менее двух третей всего числа академиков, находящихся в Петербурге налицо». Баллотирование производилось белыми и черными шарами. Избранные кандидаты высочайше утверждались в звании академика с момента избрания Общим собранием.

Четыре адъюнкта, назначенные Уваровым, сделали успешную академическую карьеру. *Якова Ивановича Бередникова* (1793–1854) отделение возвело в звание экстраординарного академика в 1845 г., не дожидаясь истечения положенного по уставу шестилетнего срока, а через два года, в феврале 1847 г. он был избран ординарным академиком. Бередников весьма скептически относился к деятельности вновь созданного отделения. «Не ожидайте ничего дельного от обновленного святилища русского слова», — писал он в 1842 г. П.М. Строеву⁷⁵. Главным занятием Бередникова оставалась работа в Археографической комиссии, где в 1838 г. он был назначен главным редактором комиссии и приступил к изданию Полного собрания летописей, выпустив в свет первые шесть томов⁷⁶.

В феврале 1847 г. одновременно с избранием Бередникова в ординарные академики два московских адъюнкта, П.М. Строев и С.П. Шевырев, были представлены в экстраординарные академики.

Деятельность *Павла Михайловича Строева* (1796–1876), серьезного издателя памятников и скрупулезного описателя рукописей, оказала крупные услуги русской историографии. Извлеченные им из архивной пыли и спасенные для науки тысячи актов и грамот доставили драгоценный материал, который позволил историкам с большей полнотой и разносторонностью исследовать прошлое России. В 1826 г. Академия наук оценила его самоотверженный труд, избрав своим членом-корреспондентом, а в 1849 г. — ординарным академиком. В 1864 г. отделение отметило 50-летие его на-

⁷⁵ Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878. С. 402.

⁷⁶ Ср. отзыв о нем Плетнева: «Бередников сам довольно неглубоко попадает в глубь дела. Он только и успел, что легко разбирает старые рукописи»: Письмо П.А. Плетнева Я.К. Гроту от 24 июня 1842 г. // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 558.

учной деятельности, и к этому юбилею И.И. Срезневский написал записку «О Трудах П.М. Строева», в которой без обиняков сказал: «Заслуги Строева незабвенны: трудами своими он в числе немногих содействовал действительным успехам Русской исторической науки»⁷⁷.

Степан Петрович Шевырев (1806–1864), поэт и философски мыслящий критик, автор первого систематического курса по истории древней русской литературы. По отзыву П.А. Вяземского, он «едва ли не один был между нами настоящий *homme de letters* (литератор). По разнообразным своим сведениям, по принадлежности и постоянству его в литературных трудах и вообще по всей жизни, которую он исключительно посвятил литературе»⁷⁸. Своими исследованиями о русских религиозных памятниках, в которых, по его мнению, наиболее отчетливо отражалось национальное самосознание, Шевырев поддерживал уваровскую триаду, вполне отвечавшую его мировоззрению.

Национальным интересам призван был служить и уваровский классицизм. Неизменно настаивая на введении в гимназиях и укреплении в университетах греческого языка, Уваров рассчитывал подчеркнуть византийские корни русской культуры и способствовать пониманию особого места России на фоне западных культур. Его союзником в пропаганде классических дисциплин стал профессор русской словесности Дерптского университета *Михаил Петрович Розберг* (1804–1874), своевременно выступивший в министерском журнале с объяснением пользы изучения античного наследия⁷⁹. В 1846–1847 гг. он выполнил переводы с французского языка двух сочинений Уварова, чем еще больше расположил его к себе. В 1849 г. Розберг последним из «назначенных» адъюнктов был возведен в степень экстраординарного академика, и в этом звании он оставался до самой смерти.

Как уже говорилось выше, вскоре после открытия отделения для усиления его деятельности к постоянному присутствию в заседаниях были приглашены трое бывших действительных членов Российской академии: почетный член академии В.А. Поленов и почетные члены отделения И.С. Кочетов, М.Е. Лобанов. С самого начала они стали постоянными сотрудниками ОРЯС.

Когда в апреле 1842 г. после смерти М.И. Каченовского впервые открылась вакансия ординарного академика, председательствующий в отделении П.А. Ширинский-Шихматов предложил отделению избрать одного из них на освободившееся кресло, представив записки об ученых трудах каждого из них. Эти записки представляли собой простое перечисление печатных работ кандидатов.

⁷⁷ Записки Имп. Академии наук. 1864. Т. 6. Кн. 1. С. 113.

⁷⁸ Письмо кн. П.А. Вяземского П.А. Плетневу 23 мая (4 июня) 1864 г. // Сочинения и переписка П.А. Плетнева / По поручению Второго отделения Имп. Академии наук издал Я. Грот. Т. 3. СПб., 1885. С. 500.

⁷⁹ *Розберг М.* Главные свойства греческой и римской словесности // ЖМНП. 1834. № 7. С. 1–26.

Отделение остановило свой выбор на В.А. Поленове, «приняв в уважение как основательные сведения его в отечественном языке, так и необыкновенное усердие, с которым он участвовал в течение 13 лет в занятиях бывшей Российской Академии, особенно же в приготовлении материалов для Русского словаря» (док. 25). Поленов был представлен Общему собранию кандидатом к избранию в ординарные академики и стал первым избранным академиком по ОРЯС.

В 1845–1846 гг. Ширинский-Шихматов провел в академики М.Е. Лобанова и И.С. Кочетова. Академическое звание стало последним утешением для чиновника особых поручений при Министерстве народного просвещения *Михаила Евстафьевича Лобанова (1787–1846)*⁸⁰. Усердный последователь Шишкова, он пошел дальше своего кумира и ополчился не только против проникновения галлицизмов в русский язык, но и против всей западной литературы с ее «ужасами и безнравственностью», призывая цензуру подняться на борьбу с ней. Он умер, не исполнив своего многотрудного долга разрушить монополию иноземцев, «насильственно влагающих в душу российских читателей зародыши безнравия, безверия и, следовательно, будущих заблуждений или преступлений»⁸¹. Впрочем, в Академии наук он предавался мирным лексикографическим занятиям.

Настоятель Петропавловского собора, профессор С.-Петербургской духовной академии протоиерей *Иоаким Семенович Кочетов (1787–1854)* стяжал печальную известность своим сочинением «О пагубных следствиях пристрастия к чужеземным языкам»⁸². О Кочетове как о «плуте и сплетнике» упоминает Пушкин⁸³. В Отделении Кочетов активно участвовал в словарных работах.

Михаил Андреевич Коркунов (1806–1858), знаток арабского языка, был принят в отделение в 1847 г. как усердный сотрудник Археографической комиссии, где он с 1837 г. занимал должность правителя дел и издал два тома «Актов исторических» и шесть томов дополнений к ним⁸⁴.

⁸⁰ По отзыву М.Ф. Каменской, «Михаил Астафьевич Лобанов в манерах был нежен до приторности, говорил тихо и сладко. Лицом был похож на легавую собаку и даже на ходу поводил носом, точно все что-то нюхал»: *Каменская М.Ф.* Воспоминания. М., 1991. С. 69–70.

⁸¹ *Лобанов М.Е.* Мнения о духе и словесности, как иностранной, так и отечественной. Читано в собрании Академии 18 января 1836 г., в присутствии Его Светлости принца Ольденбургского // Труды Имп. Российской академии. 1840. Ч. 3. С. 91). Лобанов выражал такие суждения: «Каждая новая идея — глупость, французы — подлецы, немецкая философия — глупость, а все вместе — либерализм».

⁸² *Кочетов И.С.* О пагубных следствиях пристрастия к чужеземным языкам // Труды Имп. Российской академии. 1840. Ч. 3. С. 1–18.

⁸³ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 337. Запись в дневнике за февраль 1835 г.

⁸⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1–5. СПб., 1841–1842; Дополнения к актам историческим. Т. 1–12. СПб., 1845–1847. В Комиссии Коркунову сильно доставалось от Я.И. Бередникова, который недружелюбно относился к нему. Бередников отличался подчас на-

Деятельность *Измаила Ивановича Срезневского* (1812–1880), избранного в академию в 1849 г., составила эпоху в истории отделения и отечественной славистики в целом. Первый в России доктор славяно-русской филологии (1846 г.), преданный служитель науки славистики, И.И. Срезневский положил начало многостороннему изучению славянских народов, их языка, истории и быта. Он собрал, обработал, издал и прокомментировал многие памятники древней славянской письменности. По выражению академика И.В. Ягича, «совокупность трудов его представляет собою великолепную мозаику в древнерусском стиле»⁸⁵.

В 1847 г. он занял кафедру в Главном педагогическом институте и Петербургском университете, где он создал питомник молодых славистов: его учениками были будущие члены академии В.И. Ламанский, А.Н. Пыпин, братья Н.А. и П.А. Лавровские и многие другие. На годичном торжественном собрании Петербургского университета 8 февраля 1849 г. И.И. Срезневский произнес свою знаменитую речь «Мысли об истории русского языка», в которой он показал значение истории языка для познания истории народа.

И.И. Срезневский стоял у истоков отечественной исторической лексикографии. Более 40 лет жизни он посвятил созданию первого словаря древнерусского языка. И.И. Срезневский издал обширный труд «Древние памятники русского письма и языка XI–XIV вв.» (СПб., 1863). Созданная им большая картотека легла в основу изданных отделением после его смерти «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (Т. I–III, 11 выпусков. 1890–1912)⁸⁶. Здесь собран в алфавитном порядке огромный словарный материал из более 2600 древнерусских памятников XI–XIV вв., снабженный разнообразными и исчерпывающими примерами из древнерусских текстов. Этот труд является единственным

прасным злословием и в запальчивости именовал Коркунова то «антиквариетом московским», а то и абдеритом (жители древних Абдер имели печальную славу жуликов и пройдох). Негодование, которое Бередников изливает на своих коллег, С.М. Строев объяснял тем, что тот «хотел бы все сделать один и ему досадно видеть, что и другие способны работать». См.: *Барсуков Н. Жизнь и труды П.М. Строева*. СПб., 1878. С. 318–319, 365.

⁸⁵ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910 (М., 2003, репринт). С. 476–477.

⁸⁶ Срезневский предполагал дать своему труду название «Словаря книжного и народного языка по древним памятникам русского письма», но эта задача оказалась не по силам одному ученому. Подготовительные материалы Срезневского представляли собой расположенные в алфавитном порядке выписки из старинных рукописных и печатных памятников; он начал приводить этот материал в порядок и в конце 1860-х гг. приступил к его публикации, однако счел необходимым подвергнуть его новой обработке и остановил издание. После смерти ученого в 1880 г. работу продолжила его дочь О.И. Срезневская. Отделение решило печатать этот труд в том виде, в каком он остался после смерти составителя, только дополнив его ссылками на новые издания памятников. Вот почему словарь появился в печати под названием «Материалов». Издание шло под надзором академиков — сначала И.В. Ягича, а потом А.Ф. Бычкова.

законченным словарем древнерусского языка и до настоящего времени не утратил своего значения.

И.И. Срезневский был в большой дружбе с Давыдовым⁸⁷, своим начальником по институту и отделению, но особенно благоволил к Востокову. Он внес новую жизнь в отделение и положил основание двум его периодическим изданиям. На протяжении многих лет он был одним из центров, к которому тяготели ученые силы России и славянских земель.

Почетный член ОРЯС *Авраам Сергеевич Норов* (1795–1869) был избран ординарным академиком в 1851 г., вскоре после своего назначения товарищем министра народного просвещения. В 1853 г. он сменил Ширина в должности министра и всячески старался смягчить жесткий николаевский режим в области просвещения, отстаивая необходимость благоразумной свободы для науки и литературы⁸⁸.

⁸⁷ Ср. слова П.А. Плетнева: «Срезневский точно не без познаний, которые тем выгоднее, что сливаются с его навыком говорить и читать по-немецки и по-французски... Как молодой человек, он очень деятелен, предприимчив, хотя более самонадеян, нежели успешен. Давыдов — такая же фигура, только уже преклонных лет»: Письмо П.А. Плетнева Я.К. Гроту от 26 марта 1852 г. // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 578.

⁸⁸ П.А. Плетнев как-то советовал П.А. Вяземскому обратиться к Норову по поводу издания трудов Екатерины II, дав ему такую характеристику: «Он не без энтузиазма и патриот. Подстрекните самолюбие его тем, что, может быть, на новом его поприще никогда не представится более благоприятного случая заставить почувствовать в себе не по имени только товарища министра народного просвещения, но и по незабвенному делу <...> Полагаю, что Норов способен сильно действовать на Шихматова: они как-то слиты чувством набожности»: Письмо П.А. Плетнева П.А. Вяземскому 14 (26) февраля 1850 г. // Сочинения и переписка П.А. Плетнева / По поручению Второго отделения Императорской Академии наук издал Я. Грот. Т. 3. СПб., 1885. С. 403. Через 7 лет его мнение изменилось: «Вы ожидаете хороших плодов от поездки за границу стольких ученых голов, — писал он в 1857 г. П.А. Вяземскому, — и даже самой главы Русского просвещения. Я с намерением придал женский род последнему лицу, потому что замечаю в нем более склонности к восприятию чужих семян, нежели к собственной силе оплодотворения других. Пока в нас не обнаружится потребной к делу самостоятельности, мы ничего не устроим лучшего. И здесь Совет Министерства просвещения нередко видит исчезающими от силы департамента лучшие свои предназначения; а у нас, говоря без обвиняков, департамент просто гложет просвещение. Вот отчего министру и следовало бы взять его в ежовые рукавицы или совсем перелицевать. Предмет, как Вы видите, очень многосложный. Необходимо нужно, чтобы вы, убедившись опытом во время теперешнего управления министерством, склонили Авраама Сергеевича устраивать по временам домашнюю маленькую конференцию, под его председательством, из вас и еще какого-нибудь беспристрастного, но понимающего дело лица составленную. В ней он должен готовиться к утверждению или к отвержению важнейших дел, которые, по заведенному ныне порядку, подготавливают столоничальники — эти, по выражению Наполеона I, цари России»: Письмо П.А. Плетнева П.А. Вяземскому 27 июня (9 июля) 1857 г. //

Герой войны 1812 г., потерявший при Бородине ногу, ученый путешественник, он совершил паломничества по святым местам, за что был наречен Герценом «ветхозаветным министром». Свои путевые впечатления и описания древних памятников Норов обобщил в ряде изданий. Автор «Путешествия к святым местам» не принимал непосредственного участия в деятельности ОРЯС, но никогда не отказывал отделению в поддержке. Так, в 1854 г. по просьбе ОРЯС он исходатайствовал перед императором награждение Востокова за долгую службу и выдающиеся труды звездой Станислава.

Став министром и нуждаясь в близком ему по взглядам человеке, Норов пригласил себе в помощники *Александра Васильевича Никитенко* (1804–1877). Питомец Петербургского университета, пробившийся из крепостных людей в тайные советники, профессор русской словесности, деятельный и просвещенный цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета, Никитенко оказал немало «незримых» услуг литературе⁸⁹. Труды Никитенко не двигали науку вперед, но имели большое влияние на общественную среду. Главной частью его наследия являются «Записки» и «Дневник» — это живая история литературного и общественного движения за полвека, здесь сосредоточена масса фактов, метких наблюдений и любопытных подробностей о культурной жизни. Вместе с тем это интересный человеческий документ, в котором предстает его автор — умный малоросс, талантливый лектор и либеральный цензор, всегда отстаивавший интересы науки, литературы, свободного слова.

Разнообразная деятельность Никитенко и протекция министра обратили на себя внимание отделения: в 1854 г. он был предложен к избранию в экстраординарные академики, но его кандидатура была отклонена Общим собранием на основании Устава академии, допускающего избрание на нее только адъюнкта. Тогда отделение провело его баллотировку сразу в обыкновенные академики, и в январе 1855 г. Общее собрание избрало Никитенко на высшую академическую степень (док. 75, 79). С этого времени он большую часть своей деятельности посвящал Академии, среди прочего, с января 1858 по февраль 1860 г. он вел делопроизводство по ОРЯС и в течение

Сочинения и переписка П.А. Плетнева / По поручению Второго отделения Императорской академии наук издал Я. Грот. Т. 3. СПб., 1885. С. 460–461.

⁸⁹ Ср. отзыв о нем И.Д. Деянова: «Александр Васильевич Никитенко был одарен от природы феноменальными способностями, это был гениальный самородок. Еще академик Ив.Ив. Давыдов говаривал: "Никитенко, это чудо природы, философ, профессор, академик, этот человек не только не ведает классических языков, но и не знает никакого языка иностранного". И действительно, Никитенко поражал своими способностями, и если бы он получил серьезное образование, притом научное, то этот человек совершил бы многое для науки. И как чиновник он был также необыкновенно способным человеком: писал, работал на государственной службе с замечательной легкостью. Виделся я с ним весьма часто, он любил ко мне заходить, говорил витиевато, говорил, как писал, а писал, как говорил; но язык его был замечательно хорош»: См. Рассказы И.Д. Деянова, записанные М.И. Семевским 25 марта 1891 года. СПбФ АРАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 408. Л. 38.

многих лет составлял отчеты о его деятельности (за 1856, 1858, 1861–1863, 1866–1876).

В 1854 г. ординарным академиком по ОРЯС был избран просвещенный служитель церкви, историк церкви, ректор Петербургской духовной академии епископ Винницкий *Макарий* (будущий митрополит Московский и Коломенский, в миру *Михаил Петрович Булгаков*, 1816–1882). Избрание состоялось вскоре после того, как Макарий был награжден Демидовской премией за труд «История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви» (СПб., 1846 г.).

В ординарные академики был избран профессор Петербургской духовной академии протоиерей *Герасим Петрович Павский* (1787–1863), известный своими переводами священных книг на русский язык и сочинением «Филологические наблюдения над составом русского языка», удостоенным по отзыву Востокова Демидовской премии. Об отношении к Павскому Российской академии Пушкин писал в своем дневнике: «Шишков, который набил Российскую академию попами, никак не хотел принять Павского в число членов за то, что он, зная еврейский язык, доказал какую-то нелепость в «корнях» президента»⁹⁰. Несправедливость по отношению к ученому протоиерею была исправлена в 1858 г.

В 1852 г. прошли неудачные выборы на вакантное место адъюнкта. В начале лета членам отделения было предложено собрать сведения о литераторах и ученых, участвующих своими трудами в его изданиях. Были предложены три кандидатуры: Плетнев составил записку об ученых трудах профессора русской словесности Александровского университета в Гельсингфорсе Я.К. Грота; Срезневский представил к избранию сразу двух кандидатов: профессора русской словесности Московского университета Ф.И. Буслаева и экстраординарного профессора польского языка Главного педагогического института в Петербурге П.П. Дубровского.

О предложенных кандидатах предварительно сообщили министру, академику ОРЯС П.А. Ширинскому-Шихматову, а тот через своего товарища, академика А.С. Норова объявил, что «хотя оставляет свободу выбора академикам, однако же не может утвердить того из избранных, кто не живет в Петербурге». Таким образом, министр дал понять, что поддерживает кандидатуру Дубровского. Это была креатура председательствующего в отделении И.И. Давыдова, директора Главного педагогического института, который через другого своего коллегу по институту Срезневского хотел провести Дубровского в Академию. Плетнев высказал весьма правдоподобную догадку, что полонист Дубровский, который в свое время издавал в Варшаве общеславянский журнал «Денницу» (1842–1843) и был

⁹⁰ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 337. Запись в дневнике за февраль 1835 г.

там цензором, «употреблялся и употребляется министром и Давыдовым по делам польским и другим»⁹¹.

Баллотирование кандидатов в отделении разрушило планы Давыдова: никто из кандидатов не набрал необходимого по уставу квалифицированного большинства голосов (док. 69). Тогда все кандидаты были избраны в члены-корреспонденты, а вскоре — и в действительные члены: Я.К. Грот и П.П. Дубровский были избраны в адъюнкты в один день, 2 июня 1855 г.; Ф.И. Буслаев — сразу в ординарные академики в 1860 г.

Яков Карлович Грот (1812–1893), немец по происхождению, выработал в себе писателя и ученого вполне русского по образу мыслей и направлению. Питомец Царскосельского лицея, к моменту избрания в Академию Грот перебрался из Гельсингфорса в Петербург. В Финляндии Грот принял на себя миссию быть «апостолом русского языка на чухонской земле»⁹² и стал первым ординарным профессором русского языка в Александровском университете. В 1840-е гг. Грот был своего рода посредником в финско-русском культурном сближении и содействовал намерениям российского правительства со временем ввести русский язык в качестве официального языка в Великом княжестве Финляндском. Когда отделение обзавелось своим журналом, Грот одним из первых начал сотрудничать с ним. В Академии Грот сделал быструю и успешную карьеру: через полтора года после избрания адъюнктом он был переведен в экстраординарные академики, а в феврале 1858 г. был избран в ординарные академики.

Любимой областью его научных интересов была русская филология; одним из лучших трудов Грота было рассуждение о судьбах русского правописания. В области истории русской литературы особое место занимают подготовленное им собрание сочинений Г.Р. Державина (1864–1883. Т. 1–9), а также собрание сочинений и переписки П.А. Плетнева (1885. Т. 1–3). С лицейских времен Грот испытывал настоящее благоговение перед Пушкиным, и к пятидесятилетию со дня смерти поэта он объединил свои работы в сборник «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники» (1887).

Петр Павлович Дубровский (1812–1882) не пришелся ко двору в отделении, которое не спешило с его повышением. В тот день, когда Грот был избран ординарным академиком, Дубровский получил степень экстраординарного. В 1862 г., вскоре после того, как его покровитель И.И. Давыдов оставил должность председательствующего, Дубровский уволился из Академии и переехал в Варшаву, где выпустил «Полный польско-русский и русско-польский словарь» (1876). Дубровский просил сохранить за ним звание действительного члена сверх штата, но получил отказ; отделение вернуло ему звание члена-корреспондента отделения. Это был единственный случай увольнения действительного члена ОРЯС.

⁹¹ Письмо П.А. Плетнева Я.К. Гроту от 1 октября 1852 г. // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 606.

⁹² Письмо П.А. Плетнева Я.К. Гроту от 21 апреля 1841 г. // Там же. Т. 1. СПб., 1896. С. 329.

Федор Иванович Буслаев (1818–1897) отказался переехать в Петербург. Члены отделения были огорчены тем, что он «обещал полное свое содействие в наших трудах, да и не делает ничего»⁹³.

Представитель мифологической школы в русской науке, Буслаев развивал в своих работах мысль о русской художественной культуре как о синтезе словесного и изобразительного искусств. С помощью сравнительно-исторического метода Буслаев стремился установить связь языка с жизнью народа, с его нравами, обычаями, преданиями и верованиями, а также изучить историю художественных влияний в области искусства.

Благодаря Буслаеву значительно расширились рамки допетровской литературы: он сделал доступным изучение многих памятников письменности, впервые опубликовав 69 новых произведений в своей «Исторической хрестоматии церковнославянского и древнерусского языков» (М., 1861), в которую вошли 135 сочинений. Этот труд был в буквальном смысле слова хрестоматийным, потому что он лег в основу учебной «Русской хрестоматии» (М., 1870), ее последнее, 13-е издание вышло в 1917 г.

Будучи «служителем не только науки о поэзии, но и поэзии науки»⁹⁴, Буслаев создал в Московском университете свою научную школу, из которой вышли академики А.Н. Веселовский, Н.П. Кондаков, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, В.Ф. Миллер, А.И. Соболевский.

В 1860-е гг. отделение, принявшее на себя выполнение больших коллективных трудов, испытывало настоятельную потребность в пополнении своего состава новыми деятельными членами. По-своему незаменимых, всегда готовых содействовать общему делу сотрудников отделение нашло в лице П.С. Билярского и П.П. Пекарского, интересы которых были связаны с историей культуры.

В 1860 г. отделение обратило внимание на члена Учебного комитета при военно-учебных заведениях, скромного труженика науки *Петра Спиридоновича Билярского* (1815/1819–1867), незадолго до своего избрания представившего в отделение свой перевод сочинения В. Гумбольдта о различии строения человеческого языка. Этот мастерски выполненный перевод и научные труды Билярского, посвященные древнеславянскому языку, были по достоинству оценены отделением, а их автор был признан достойным академического звания, сначала адъюнкта, а потом экстраординарного академика. В Академии Билярский подготовил большой сборник архивных материалов для биографии Ломоносова, важный для истории культуры и образования XVIII в.

Билярский страдал чахоткой, а усиленными занятиями он окончательно подорвал свое здоровье. Надеясь поправить его в более благоприятном климате, Билярский принял кафедру русской словесности во вновь учреж-

⁹³ Письмо П.А. Плетнева Я.К. Гроту от 1 (13) октября 1865 г. // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 709.

⁹⁴ Миллер Вс. Памяти Федора Ивановича Буслаева. М., 1897. С. 2.

денном Новороссийском университете и в 1865 г. переехал в Одессу, причем по ходатайству отделения академическое звание было за ним сохранено.

Редкой способностью работать без усталы обладал служивший делопроизводителем Государственного архива при МИД *Петр Петрович Пекарский* (1827–1872). «Руками, ногами и головой», как выразился о нем Н.В. Шелгунов, Пекарский ушел в Петровскую старину⁹⁵. Своей специальностью он избрал историю русского образования и русской литературы, в связи с историей Академии наук. За капитальный труд «Наука и литература в России при Петре Великом» (Т. 1–2. СПб., 1863), основанный на материалах академического архива, он был удостоен одновременно Демидовской премии и избрания в Академию наук. Став в 1863 г. адъюнктом, он быстро прошел академические степени и в 1868 г. был уже ординарным академиком.

Прилежный собиратель фактических данных и осторожный их толкователь, Пекарский обогатил науку новыми сведениями, но полагая, что время обобщений по его теме еще не настало, избегал смелых обобщений или широких выводов. Коллега Пекарского по отделению А.В. Никитенко приводит его слова о том, что «в науке не нужно никаких убеждений»⁹⁶, и сокрушается: «факты, цифры, буквы — вот все, что он признает в ней»⁹⁷. В отличие от других членов отделения, которые были в равной мере исследователями и литераторами, Пекарский мало заботился о художественном изложении материала и откровенно сознавался, что «не получил надлежащего филологического образования и потому не гонится за совершенством в этом отношении»⁹⁸. В Академии наук Пекарский сделался ее летописцем (подробнее см. ниже).

В 1866 г. в отделение поступил *Афанасий Федорович Бычков* (1818–1899), археограф, представитель критической библиографии, работал, главным образом, над изданием исторических памятников: им были открыты, описаны, изданы и разъяснены многие памятники от начала русского государства до середины XIX в.: от Остромирова Евангелия до произведений Крылова и Жуковского. Как член Археографической комиссии (с 1891 г. ее председатель) Бычков внес свою лепту в издание Полного собрания русских летописей; он собрал и опубликовал «Письма и бумаги Петра Великого» (1887–1900. Т. 1–4), письма и бумаги Екатерины Великой, хранившиеся в Публичной библиотеке, переписку М.М. Сперанского. Более,

⁹⁵ Шелгунов Н.В. Воспоминания. М.; Пг., 1923. С. 27–29, 163.

⁹⁶ Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. Т. 2 (1858–1865). М., 1955. С. 540. Запись 21 октября 1865 г.

⁹⁷ Там же. С. 472. Запись 24 октября 1864 г. Грот также пишет о том, что Пекарский нередко доходил «до преувеличенного опасения позволить себе какую-нибудь догадку или смелое соображение»: Грот Я.К. Воспоминание о П.П. Пекарском // Записки Имп. Академии наук. СПб., 1873. Т. 22. Кн. 2. С. 277–278 (= Сборник ОРЯС Имп. Академии наук. 1873. Т. 10. С. 57–58).

⁹⁸ Там же. С. 278 (= Сборник ОРЯС Имп. академии наук. 1873. Т. 10. С. 58). Пекарский окончил Казанский университет по юридическому факультету.

чем полувековая деятельность Бычкова была связана с Императорской Публичной библиотекой, директором которой он был с 1882 г.

Первая попытка провести Бычков в Академию была сделана в 1859 г. и оказалась неудачной: он был забаллотирован Общим собранием (док. 126). Вопрос о его избрании был возобновлен в 1865 г. и благополучно разрешился после предварительного совещания с академиками по русской истории в Историко-филологическом отделении, А.А. Куником и Н.Н. Устряловым. В пользу Бычкова проголосовало Общее собрание, и он стал экстраординарным академиком (док. 185)⁹⁹.

Избрание *Сергея Михайловича Соловьева* (1820–1879) в ординарные академики состоялось в 1872 г. и было данью уважения великому историку. В ОРЯС автор «Истории России с древнейших времен» оказался не в последнюю очередь потому, что единственный академик по русской истории А.А. Куник всячески противился его избранию в Историко-филологическое отделение. Преждевременная смерть прервала труд Соловьева на 29-м томе, посвященном царствованию Екатерины II. «Смерть застала его за рабочим столом, — писал А.Ф. Бычков, — и вырвала из его рук перо, которым он готовился передать нам дальнейшие события блистательного царствования Екатерины II»¹⁰⁰.

Михаил Иванович Сухомлинов (1828–1901) вошел в отделение в 1872 г. в звании экстраординарного академика и был избран в ординарные академики в 1876 г. Его путь в академию был довольно тернист. Впервые его имя как кандидата на академическое кресло было названо в 1865 г. во время обсуждения вопроса о замещении двух вакантных мест (док. 183). Однако его выборы состоялись только в 1872 г. Результаты первой баллотировки в Общем собрании оказались неблагоприятными для Сухомлиновым, однако новые выборы, проведенные через полгода, вскоре после смерти П.П. Пекарского, прошли благополучно (док. 214–217, 221).

Научные интересы Сухомлинова лежали в области древней и новой русской литературы и истории отечественного просвещения и науки. Сухомлинову принадлежат классическое исследование «О древней русской летописи, как памятнике литературном» (1856), анализ сочинений Кирилла Туровского (1858), «Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I» (1865–1866), охватывающие целый ряд возникших в это время просветительных учреждений. В отделении его деятельность сосредоточилась на истории двух академий, Российской и Академии наук.

⁹⁹ Председательствующий в отделении А.А. Плетнев беспокоился за исход выборов. Он писал из Парижа замещавшему его Гроту 2 (14) ноября 1865 г. «Если о Бычкове ты узнаешь какие-либо неприятные для него предзнаменования в Общем собрании, то, пожалуйста, не подвергай его новому риску: он заслуживает полное уважение»: Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 714.

¹⁰⁰ *Бычков А. Ф.* Воспоминание о С. М. Соловьеве // Записки Имп. Академии наук. 1880. Т. 36. Кн. 1. С. 225.

Без преувеличения можно сказать, что с *Александра Николаевича Веселовского* (1838–1906), члена Академии наук с 1877 г., в отечественной науке началась история литературы как самодовлеющей науки со своими специальными задачами. Первый в России по времени и по значению специалист по истории всеобщей литературы, Веселовский ставил вопросы, имеющие универсальное значение для истории литературы, и проложил новые пути в области изучения словесного творчества почти всех времен и народов. Неизменно любимой была для него эпоха Возрождения: Рабле, Шекспир, Лопе де Вега и особенно итальянцы, Данте, Петрарка и Боккаччо. Одной из задач своих работ он видел в построении исторической поэтики¹⁰¹.

Ватрослав (Игнатий Викентьевич) Ягич (Jagić) (1838–1923), хорватский уроженец, ученик Фр. Миклошича, был одним из крупнейших филологов своего времени. Ягич принимал деятельное участие в организации Югославянской академии и был в числе ее первых 14 членов, но вследствие преследования венгерского правительства переехал сначала в Берлин, а потом в Петербург, где он заменил И.И. Срезневского в университете и в 1880 г. был избран вместо него в Академию наук. Широта научных интересов Ягича была почти безбрежной, он занимался «всеми, что касалось славянской вообще»¹⁰². Ягич создал и возглавил специальный журнал, посвященный славянской филологии, объединивший всех славистов в Европе — «Archiv für slavische Philologie» (1875–1920).

В 1886 г. Ягич получил предложение занять в Вене кафедру своего умершего учителя Миклошича. Президент Академии наук Д.А. Толстой, к сожалению, остался глух к разумным требованиям Ягича и не пытался предотвратить переход авторитетного слависта в Венский университет. Когда тот устал слышать в ответ на свои просьбы неизменное: «На это примера нет!»¹⁰³, то, горько разочарованный холодностью и черствостью президента, дал согласие занять кафедру в Вене. К счастью для Академии, положение бессребреника в Отделении русского языка и словесности позволило ему остаться действительным членом Академии наук, как он выражался, «in partibus infidelium» (в уделах неверных, т.е. проживая вне России). После переезда в Вену Ягич не терял связей с Петербургом, он был инициатором или принимал близкое участие в организации ряда больших академических предприятий в области русского и славянского языкознания, а в Вене создал славянский семинар, много сделавший для подготовки европейских славистов, и был избран членом Венской академии наук.

Любимым предметом занятий *Леонида Николаевича Майкова* (1839–1900), избранного в отделение в 1889 г., была история русской литературы, особенно его интересовали библиографические разыскания о русских

¹⁰¹ *Веселовский А. Н.*: 1) Избранные статьи. Л., 1939; 2) Историческая поэтика. Л., 1940.

¹⁰² *Сперанский М.Н.* Памяти Игнатия Викентьевича Ягича // Известия ОРЯС. 1923. Т. 28. С. 349.

¹⁰³ СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 2. Д. 128. Л. 23–24 об. Письмо И.В. Ягича К.С. Веселовскому от 27 декабря 1888 г.

писателях XVII–XIX вв. Совместно с В.И. Саитовым Майков подготовил издание трехтомного собрания сочинений К.Н. Батюшкова с обширными комментариями и монографией о поэте (Т. 1–3. СПб., 1885–1887), отмеченное полной Пушкинской премией. Н.Н. Булич сравнивал это издание с изданием древнего классика, а комментарий к нему — «с тонкой работой ювелира»¹⁰⁴. В конце жизни Майков приступил к изданию сочинений А.С. Пушкина и подготовил первый его том, содержащий лицейские стихотворения поэта¹⁰⁵.

В 1890 г. отделение пополнилось тремя новыми членами. В состав отделения вошли Н. С. Тихонравов, К. Н. Бестужев-Рюмин и Н.А. Лавровский.

Отделение во второй раз пригласило баллотироваться в Академию Николая Саввича Тихонравова (1832–1893). Еще в 1865 г. отделение обратило на него внимание, но не смогло тогда привлечь его в свою среду (док. 180, 181). Он отказался от предложенного ему звания адъюнкта, потому что не хотел оставлять кафедру истории русской литературы в Московском университете, ректором которого он стал впоследствии (1877–1883), но в 1890 г. он дал свое согласие и был избран «отсутствующим» ординарным академиком, т. е. с правом проживания в Москве (док. 295, 297, 299, 300).

Представитель культурно-исторической школы, свое основное внимание он направил на исследование русской литературы XVII–XIX вв. Тихонравов подготовил образцовое издание сочинений Н.В. Гоголя (1889–1893. Т. 1–5, завершено В.И. Шенроком), которое содержит критически очищенный, «истинный» текст Гоголя и снабжено массой ценных комментариев, обнаруживающих в издателе «бenedиктинское трудолюбие» и редкий критический дар¹⁰⁶. Большое значение имели подготовленные Тихонравовым двухтомное издание текстов ветхозаветных и новозаветных апокрифов по древним рукописям «Памятники отреченной русской литературы» (СПб., 1863. Т. 1–2) и серия «Летописи русской литературы и древности» (1859–1863. Т. 1–5), где впервые было издано «Житие протопопа Аввакума».

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897) посвятил себя русской истории и сделал предметом своих специальных занятий русские летописи; его работа «О составе русских летописей до конца XIV века» (1868), построенная на тезисе о том, что древнерусские летописи являются сводами, установила приемы их строго научного исследования. Выбор отделения остановился на Бестужеве-Рюмине «не столько как на историке, сколько на писателе и критике, который трудится и по

¹⁰⁴ Отчет о четвертом присуждении Пушкинских премий // Приложение к 59-му тому «Записок ИАН». СПб., 1888. № 3. С. 43.

¹⁰⁵ Сочинения Пушкина. Изд. Имп. АН. Приготовил и примечаниями снабдил Леонид Майков. Том 1. Лирические стихотворения (1812–1817). СПб., 1899; Изд. 2-е. СПб., 1900.

¹⁰⁶ *Стороженко Н. И.* Памяти Н. С. Тихонравова // Памяти Николая Саввича Тихонравова. Императорское Московское археологическое общество любителей российской словесности. М., 1894. С. 3.

истории литературы и который, живя в Петербурге, может принимать участие в заседаниях отделения»¹⁰⁷.

Николай Алексеевич Лавровский (1825–1899) одним из первых обратился к выяснению византийского влияния в древнерусской истории и культуре. Прирожденный педагог, Лавровский одним из главных предметов своих научных занятий сделал историю учебного и воспитательного дела в России. Своим избранием Лавровский был обязан не в последнюю очередь Гроту, приходившемуся ему сватом¹⁰⁸.

В общей сложности за первые 50 лет существования ОРЯС членами корпорации были 43 ученых и литератора. 20 из них были назначены при основании отделения лично С.С. Уваровым, из которых 4 адъюнкта впоследствии прошли процедуру избрания на более высокие академические степени. В первые десятилетия общее число членов год за годом сокращалось, но увеличивалась доля трудоспособных и деятельных сотрудников: в 1860 г. было 19 членов (из них только 5 активных, в 1871 г. — 12 и в 1880 г. — 7).

К концу 1891 г. в состав отделения входили 10 членов: академики Я.К. Грот, Ф.И. Буслаев, А.Ф. Бычков, М.И. Сухомлинов, А.Н. Веселовский, И.В. Ягич, Н. С. Тихонравов, К. Н. Бестужев-Рюмин, Н.А. Лавровский и экстраординарный академик Л.Н. Майков, причем 4 человека жили за пределами С.-Петербурга: Ф.И. Буслаев и Н.С. Тихонравов в Москве, Н.А. Лавровский — в Риге, И.В. Ягич — в Вене.

Титул академика давался пожизненно, и пожизненное членство ограничивало возможности пополнения отделения. По мере освобождения кафедр ординарных академиков происходило как повышение ученых, состоявших членами отделения (адъюнктов и экстраординарных академиков), так и избрание новых членов.

Впервые выборы в отделении состоялись в 1842 г. на вакансию, образовавшуюся после смерти М.Т. Каченовского; первым избранным академиком был В.А. Поленов. Последний из назначенных академиков, П.А. Вяземский, умер в 1878 г. (док. 244). С этого времени все действительные члены отделения находились в равном положении, они были удостоены академического звания на основе мнения экспертного сообщества.

Хотя отделению полагалось 20 членов, оно не спешило занимать все вакантные кафедры. Объяснялось это отчасти тем, что было трудно подыскать значительное число достойных специалистов в такой сравнительно узкой области, какой была в то время русская и славянская филология, отчасти недостатком уверенности в том, что кандидаты отделения будут поддержаны Общим собранием. По словам Я.К. Грота, именно эти обстоятельства «налагали на отделение долг сдержанности в предложении кандидатов» (док. 258). Грот имел прежде всего в виду забаллотирование на

¹⁰⁷ СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 3. Д. 824. Л. 37. Письмо Я. К. Грота вел. кн. Константину Константиновичу от 12 ноября 1889 г. Черновик.

¹⁰⁸ Сын Грота Н. Я. Грот был женат на дочери Н.А. Лавровского Наталии Николаевне.

Общем собрании кандидатуры слависта А.Ф. Гильфердинга, представленного отделением в адъюнкты в 1869 г. (док. 207, 209). Результат голосования (18 черных шаров из 33) обескуражил членов отделения и отозвался за пределами Академии «тяжелым чувством общего недоумения и прискорбиа между людьми, которым дорога честь Академии, и радостью между ее врагами» (док. 211).

По своему происхождению абсолютное большинство членов отделения родилось в Российской империи, исключение составлял уроженец Загреба хорват И.В. Ягич. Немецкого происхождения были А.Х. Востоков, внебрачный сын прибалтийского барона Х.И. Остен-Сакена, и Я.К. Грот, внук лютеранского пастора церкви Св. Екатерины на Васильевском острове. Именно они были самыми глубокими филологами отделения.

Социальный состав членов отделения был разнородным: П.А. Вяземский принадлежал древнему княжескому роду; А.В. Никитенко вышел из семьи крепостных и даже бравировал тем, что он «вышел из рядов народа» и «плебей с головы до ног»¹⁰⁹, М.Е. Лобанов был сыном «неизвестных родителей» (подкидышем); многие академики происходили из духовного звания.

Все первые академики родились в XVIII в., их возраст на момент назначения находился в пределах от 40 (М.П. Погодин и епископ Иннокентий) до 73 лет (И.А. Крылов). Среди них преобладали лица зрелого возраста: до 50 лет — 6 человек, до 60 лет — 6 человек, старше 65 лет — 3 человека и старше 70 лет — 1 человек. Двум адъюнктам в момент назначения было до 40 лет и двум — до 50 лет. Срок пребывания в Академии колебался от полугода (М.Т. Каченовский) до 37 лет (П.А. Вяземский). Таким образом, в 1878 г. П.А. Вяземский был старейшим из академиков по ОРЯС и последним из назначенных С.С. Уваровым.

Своим избранным членам отделение давало не только высший почет, но на многих возлагало ряд обязательств, выполнение которых требовало, кроме таланта и знаний, большой энергии и работоспособности. Поэтому средний возраст вновь избранных членов существенно понизился.

В молодом возрасте были избраны П.П. Пекарский — в 35 лет, И.И. Срезневский — в 36, еп. Макарий — в 38, А.Н. Веселовский — в 39. В период творческого акмэ в отделение поступили И.В. Ягич и М.А. Коркунов — в 41 год, Я.К. Грот, П.П. Дубровский и Ф.И. Буслаев — 42, М.И. Сухомлинов — 43, П.С. Билярский — 44, А.Ф. Бычков — 47, Л.Н. Майков — 49, С.М. Соловьев — 51.

А.С. Норову на момент избрания было 55 лет, И.С. Кочетову и М.Е. Лобанову — 58, Г.П. Павскому — 70. Первый из вновь избранных академиков В.А. Поленов оказался старейшим по возрасту — 76 лет.

Срок работы в отделении находился в пределах от полутора лет (М.Е. Лобанов) до 43 лет (И.В. Ягич). Коротким оказался академический стаж умерших в расцвете сил П.С. Билярского (6 лет), С.М. Соловьева (7 лет) и П.П. Пекарского (9 лет). П.П. Дубровский уволился через 7 лет

¹⁰⁹ Никитенко А. В. Дневник. В 3 т. Т. 2 (1858–1865). М., 1955. С. 119.

после избрания; в силу возраста недолог был академический век Г.П. Павского (5 лет) и В.А. Поленова (9 лет).

Отделение имело своих «долгожителей»: 43 года список его лично-го состава украшало имя И.В. Ягича, почти 38 лет — Я.К. Грота, 37 лет — П.А. Вяземского и Ф.И. Буслаева, 34 года — М.П. Погодина и П.М. Строева, 33 года — А.Ф. Бычкова и М.П. Розберга, 31 год — И.И. Срезневского, 28 лет — М.И. Сухомлинова и А.Н. Веселовского, 27 лет — митрополита Макария, 26 лет — епископа Филарета, 24 года — П.А. Плетнева, более 22 лет — А.Х. Востокова.

Почти ежегодно отделение сообщало о своих утратах. В 1840-е гг. отделение потеряло 5 академиков, в 1850-е — 9, в 1860-е — 9, в 1870-е — 7, в 1880-е — 2. Таким образом, наиболее ощутимые потери отделение понесло в середине XIX в., но найти им достойную замену среди российских филологов было не просто. И все же отделение, лишаясь постепенно входивших на первых порах в его состав поэтов и литераторов, уже в середине века стало состоять почти исключительно из ученых.

Безвозмездная деятельность в отделении предполагала, что его члены находились на службе в других учреждениях. Внушительное число членов отделения занимало ключевые должности в Министерстве народного просвещения. Академики П.А. Ширинский-Шихматов и А.С. Норов были министрами. П.А. Вяземский занимал при Норове должность товарища министра и возглавлял Главное управление цензуры. А.В. Никитенко был профессиональным цензором, долгие годы он работал в Петербургском цензурном комитете. Никитенко, а следом за ним Л.Н. Майков были редакторами «Журнала Министерства народного просвещения».

П.А. Плетнев был ректором Петербургского университета, М.Т. Каченовский — ректором Московского университета, И.И. Давыдов — директором Главного педагогического института; А.Ф. Бычков — директором Публичной библиотеки. Высокие административные посты занимал Н.А. Лавровский: он был директором Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине, ректором Варшавского университета, а в год избрания в Академию был назначен попечителем Рижского учебного округа. Звание ординарного академика, несомненно, укрепило авторитет Лавровского-попечителя, занимавшегося неблагодарным делом русификации западных окраин Российской империи, хотя само отделение не приобрело в его лице деятельного сотрудника.

Многие академики состояли членами университетских корпораций. Профессорами Петербургского университета были П.А. Плетнев, И.И. Срезневский, И.В. Ягич, А.Н. Веселовский, К.Н. Бестужев-Рюмин; в Главном педагогическом институте служили П.П. Дубровский и И.И. Срезневский. С Московским университетом была связана педагогическая и научная деятельность С.П. Шевырева, И.И. Давыдова, П.Г. Буткова, М.Т. Каченовского, М.П. Погодина, С.М. Соловьева, Ф.И. Буслаева, Н.С. Тихонравова. Профессором в Александровском лицее был Я.К. Грот.

Среди членов ОРЯС было 5 служителей церкви: митрополит Филарет, митрополит Макарий, архиепископ Иннокентий, протоиерей И.С. Кочетов и протоиерей Г.П. Павский.

Некоторые члены отделения пользовались немалым влиянием при дворе. Наставниками будущего императора Александра II были В.А. Жуковский, П.А. Плетнев, К.И. Арсеньев, протоиерей Г.П. Павский. П.А. Вяземский был одним из любимых приближенных императрицы Марии Александровны.

Я.К. Грот был преподавателем наследников и снискал уважение и любовь своих царственных питомцев, Николая Александровича и Александра Александровича. Александр III до конца своей жизни сохранил привязанность и признательность к своему наставнику. «Коль скоро что сказал Яков Карлович, — говорил он про него, — то это так же верно, как Евангелие»¹¹⁰.

Почти все избранные действительные члены отделения состояли предварительно его корреспондентами; среди крупных ученых, не попавших в число действительных членов, были А.А. Потебня, А.А. Котляревский, Н.И. Костомаров.

В 1843 г. Общее собрание утвердило особое «Положение о сторонних членах», ограничившее число членов-корреспондентов до 146. Они распределялись по разрядам наук и избирались только на освободившуюся вакансию. Так, по славяно-русской филологии полагалось 8, по изящной словесности — 17, всего — 25 человек. В 1844 г. в отделение были «переведены» те из избранных в прежние годы членов-корреспондентов, «которые по роду своих занятий считались по Отделению русского языка и словесности». В их число попал В.И. Даль, избранный в 1838 г. в благодарность за собрание коллекций по флоре и фауне Оренбургского края (док. 29). В 1868 г. отделение возбудило ходатайство об увеличении числа своих членов-корреспондентов с 25 до 50 человек, но получило согласие лишь на 30.

Многие ученые славянских стран состояли членами-корреспондентами Императорской Академии наук по ОРЯС: чехи Мартин Гаттала, Вацлав Томек, Вильгельм Томашек, Константин Иречек; хорваты — Петар Маткович, Франциск Рачки; сербы — Вук Караджич, Стоян Новакович, Милан Миличевич. Наряду со славянскими было несколько западноевропейских славистов, среди них французы Альфред Рамбо, Луи Леже и Мельхиор де Вогюз; немцы Август Лескин, Владислав Неринг и Александр Брюкнер; англичанин Уильям Рольстон. Членами-корреспондентами были избраны представители славянофилов К.С. Аксаков и А.С. Хомяков (см. Приложение 3).

Не ограничиваясь выбором людей науки, Отделение русского языка и словесности, подобно Российской академии, дорожило своим правом из-

¹¹⁰ *Татищев С.С.* Детство и юность великого князя Александра Александровича. В 2 кн. / Подгот. текста С.С. Атапина, В.М. Лупановой; Вступ. ст. Н. А. Малеванова // Великий князь Александр Александрович: Сборник документов. М., 2002. С. 206.

бирать в члены Академии писателей, составлявших гордость отечественной литературы. Отделение избрало в свои члены-корреспонденты Тургенева, Достоевского, Гончарова, Л. Толстого, А. Майкова, Островского и других писателей. Связующим началом между литераторами и Отделением русского языка и словесности служила любовь к родному языку, доходившая у тех и других до благоговения¹¹¹.

Периодические издания

Живой летописью трудов отделения служили его повременные издания. В «Положении об ОРЯС» говорилось, что «каждый академик приглашается представить ежегодно в отделение хотя одну оригинальную статью своего сочинения» (§ 21), и «от времени до времени могут издаваться собрания этих сочинений» (§ 22). «На напечатание изданий Отделения русского языка и словесности назначается по 4000 руб. серебром в год» (§ 28).

В 1852 г. по инициативе И.И. Срезневского отделение приступило к изданию своего журнала. Впервые Срезневский изложил свою мысль в 1849 г. (док. 52). В июне 1850 г. министру народного просвещения П. А. Ширинскому-Шихматову было доложено о намерении отделения издавать Записки Второго отделения Императорской Академии наук. Бывший председательствующий в отделении отнесся к этому замыслу весьма скептически и посоветовал академикам предварительно приготовить материалы «хотя на одну книжку, в виде опыта, дабы можно было с основательностью судить о достоинствах предполагаемого издания и о степени участия, которое намерены принять в нем гг. члены отделения». Министр сомневался и в согласии сторонних ученых «доставлять замечательные и дельные статьи» за тот незначительный гонорар, который отделение собиралось платить авторам¹¹².

¹¹¹ Цене слова посвятил несколько страниц своего некролога И.С. Тургенева М.И. Сухомлинов в 1883 г., рассказав об аресте писателя за статью, написанную им по поводу смерти Гоголя, в которой он назвал Гоголя великим писателем. «В том кругу нашего общества, — комментирует этот криминально-лингвистический казус Сухомлинов, — где немецкий язык предпочитался русскому, казалось весьма неприличным сопоставить: Friedrich der Grosse и Gogol der Grosse. Одна высокопоставленная дама находила, что Тургенев наказан чересчур строго, и хотела ходатайствовать за него; но когда ей доложили, что он называет Гоголя *великим* человеком, она отказалась от своего намерения, заметивши, что Тургенев терпит поделом»: [Сухомлинов М.И.] Отчет за 1883 год, составленный академиком М.И. Сухомлиновым и читанный им в торжественном собрании Академии 29 декабря 1883 года // Отчеты Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности за 1866–1891 годы. СПб., 1903. С. 503.

¹¹² Срезневский В. И. К истории издания Известий и Ученых записок второго отделения Императорской Академии наук (1852–1863), по архивным данным составил В. И. Срезневский. СПб., 1905. С. 20–21.

Издание было отложено вплоть до поступления статей. Новый председательствующий в отделении И.И. Давыдов поддержал Срезневского. Первый том журнала, который получил название «Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности», увидел свет в 1852 г. и сразу вызвал живой отклик ученых. После выхода первых листов журнала П.П. Дубровский написал В.В. Ганке: «Вот свежая и любопытная новость: на днях вышли “Известия императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности”. В состав этих Известий будут входить исследования и замечания касательно языка русского и языков, с ним соплеменных, их литературы и древностей; разборы замечательных трудов по части филологии славяно-русской, а в особенных прибавлениях — памятники языка и словесности, материалы для словаря, грамматики и т. п. Нельзя искренне не радоваться этому изданию, которое, без сомнения, будет процветать успешно и долго под редакцией Измаила Ивановича и при пособии многих ученых»¹¹³.

«Известия Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности» (1852–1863. Т. 1–10) выходили под редакцией И.И. Срезневского и почти исключительно были посвящены научной разработке русского и других славянских языков. «Известия» издавались бессрочными выпусками, или листами. Сначала предполагалось, что 24 листа журнала будут составлять один том, но в действительности объем ряда томов доходил до 50 печатных листов.

В журнале помещались небольшие научные статьи и заметки. Важной частью журнала был раздел «Библиографические записки», включавший в себя обзор новых исследований по славянской и русской филологии отечественных и зарубежных ученых, причем специально оговаривалось, что «критика, основанная на непреложных законах науки, должна быть: 1) филологической и 2) эстетической»¹¹⁴. Библиографию почти целиком вел сам Срезневский.

В журнале публиковались некоторые официальные документы, касающиеся деятельности отделения: годовые отчеты и Извлечения (или Выписки) из протоколов собраний, содержавшие выдержки из протоколов, объединенные в тематические рубрики, например: «Материалы для общего словаря», «Областные словари», «Грамматика», «Издание памятников», «Известия», «Особенные чтения».

При «Известиях» выходили «Прибавления», где русистика и славистика были представлены в многообразном сравнительном контексте. В них помещены «Памятники и образцы народного языка и словесности», «Материалы для сравнительного словаря русского языка и других славянских народов», «Словарь церковно-славянского языка» А.Х. Востокова, «Санскрито-русский словарь» К.А. Коссовича.

¹¹³ Там же. С. 23–24.

¹¹⁴ Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. 1852. Т. 1. С. 6.

«Известия» выходили тиражом 600 экземпляров, и первые выпуски быстро разошлись, их приносили в дар разным лицам и учреждениям, так что нечем было удовлетворить подписчиков. Поэтому уже в 1852 г. было предпринято второе издание первых выпусков¹¹⁵.

В 1854 г. Срезневский приступил к изданию второго журнала — «Ученые записки Второго отделения Императорской Академии наук» (1854–1863. Т. 1–7) (док. 71). Записки предназначались для обширных исследований по русскому и другим славянским языкам. Здесь помещались рассуждения и очерки; памятники языка и словесности, их списки и объяснения, а также летописи ОРЯС: извлечения из протоколов заседаний, выписки из ученой корреспонденции, отчеты об экспедициях, другие сведения о деятельности отделения, библиографические известия о новых книгах по русской филологии и славистике.

Авторами изданий отделения был сам редактор и академики ОРЯС, а также корреспонденты отделения, как отечественные (П.Ф. Гильфердинг, В.И. Григорович, В.И. Даль, И.М. Снегирев и др.), так и иностранные (В.С. Караджич, П.П. Шафарик и др.), и другие внеакадемические ученые (А.Н. Афанасьев, А.С. Афанасьев-Чужбинский, П.А. Лавровский, кн. М.А. Оболенский, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов и др.).

Отделение предприняло свои издания по примеру двух других отделений Академии, издававших для мелких текущих статей *Bulletin*, а для трудов большего объема — *Mémoires*.

Оба издания, «Известия» и «Ученые записки», выходили под редакцией И.И. Срезневского вплоть до 1863 г., когда для всех трех отделений Академии был основан один общий орган на русском языке под заглавием «Записки Императорской Академии наук» (1862–1880), и издания ОРЯС слились с ними. Однако в новом издании из-за обилия разрозненного материала было трудно ориентироваться и поэтому, как для удобства читателей, так и для своего собственного, отделение решило издавать особый Сборник и перепечатывать в нем статьи из «Записок», а также помещать в нем и другие работы, по каким-то причинам не вошедшие в «Записки».

Первые тома нового издания выходили под названием «Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук» (1867–1870), а затем — «Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» (1872–1917, в 1917–1927 — Российской академии наук). Первым редактором издания был И.И. Срезневский. Главное внимание в журнале уделялось истории письменности, славяноведению, языкознанию и фольклору. Отделение раскрыло свои издания для посторонних ученых, как приобретших известность, так и начинающих.

¹¹⁵ Ср.: Письмо П.А. Плетнева Я.К. Гроту от 4 июня 1852 г.: О 2-м издании «Известий» наших уведомлений было не пуг: их печатаем немного (что-то около 400 или 600 экземпляров), а раздали очень много, так что и самой обыкновенной подписки теперь удовлетворить нечем» // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 592.

Журналы отделения существовали в условиях полного материального обеспечения. За публикации в них академиком и сторонним авторам полагался гонорар, причем его размер варьировался в зависимости от характера представленных материалов от 15 до 40 руб. за печатный лист. Труд редактора также вознаграждался (док. 111). В 1862 г. размер гонорара был увеличен до 60 руб. за печатный лист (док. 134). Щедрые гонорары побуждали академических ученых много писать, а молодым сторонним ученым помогали встать на ноги.

Периодические издания Отделения русского языка и словесности обогатили русистику и славяноведение многими ценными исследованиями и новыми источниками русской и славянской культуры, они являлись средоточием деятельности русских филологов, палеографов, историков словесности и содействовали объединению отечественных филологов и расширению международного сотрудничества славистов. Вместе с тем сами журналы являются памятниками научной и публицистической прозы и служат ценным источником для изучения истории русской филологической науки, русского литературного языка, его жанров и стилей.

В научных кругах издания отделения признавались действительно «академическими» изданиями, и по их образцу строились и другие издания, внеакадемические. Благодаря своим журналам отделение вступило в контакт с ученым миром России и славянских стран и постепенно стало завоевывать симпатии русского общества.

Лингвистические работы

Главным достоянием Отделения русского языка и словесности были индивидуальные исследования его членов, каждый из которых представлял собой самодовлеющую научную силу. Вместе с тем у отделения были задачи, за которые оно отвечало в полном своем составе, и касались они насущных нужд отечественного просвещения. На начальном этапе в основу своих коллективных трудов ОРЯС положило составление русской грамматики и словаря русского языка.

Подобно своей родоначальнице Российской Академии, которая более всего заботилась об охране «нравственности, целомудрия и чистоты» родного языка, Отделение русского языка и словесности смотрело на язык как на народную святыню и относилось к нему как «к самому художественному из всех произведений, доступных человеческому творчеству»¹¹⁶.

Главными направлениями исследований в области языкознания было освещение русского языка в его многовековой истории и содействие к распространению основательного знания русского языка по всей Российской империи, изучение истории русского языка, построение грамматики рус-

¹¹⁶ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук за 1900 год, составленный академиком А.Н. Пыпиным. СПб., 1901. С. 11.

ского языка, лексикографические работы. Делались первые попытки применить к славяно-русскому языку приемы сравнительно-исторического метода; началось пристальное изучение древнего языка по памятникам. Для научной разработки отечественного языка немало потрудились академики А.Х. Востоков, И.И. Срезневский, Ф.И. Буслаев, Я.К. Грот.

Работы по лексикографии начались в Академии наук в XVIII в., когда в ее среде образовалось Российское собрание. К этой же цели стремилась и Российская академия: с самого момента своего основания она приступила к составлению словаря и в течение 1789–1794 гг. напечатала в шести частях «Словопроизводственный словарь»¹¹⁷. В 1801–1821 гг. этот словарь был переработан в алфавитном порядке без значительных внутренних изменений.

Отделение русого языка и словесности продолжило работу, начатую Российской академией по составлению полного и удовлетворительного словаря и уже через 6 лет после своего образования, в 1847 г., отделение издало обширный, в четырех томах, «Словарь церковно-славянского и русского языка»¹¹⁸.

Словарь создавался как «сокровищница русского языка на протяжении многих веков» и обнимал письменный язык от первых памятников до позднейших произведений русской словесности. Подбор лексики для словаря основывался на том, что русский язык состоит из трех неразрывно связанных между собой стихий: «нынешнего» русского языка, старинного русского и церковно-славянского». Отделение полагало преждевременным «решительное разделение русского языка с церковно-славянским, потому что основные стихии того и другого находятся еще, так сказать, в состоянии брожения, при котором нет возможности утвердительно определить, что всплывет наверх, и что опустится на низ»¹¹⁹, т. е. предугадать, какие слова сохранятся в языке, а какие бесследно исчезнут из него (док. 24).

Российская академия передала отделению более 70 000 объясненных слов на 20 букв; обработкой слов на остальные 12 букв занялись члены отделения; тонкостью грамматических характеристик слов словарь был обязан А.Х. Востокову, который трудился над словарем с 1827 г., когда Российская академия начала целенаправленную работу по его составлению.

¹¹⁷ *Файнштейн М.Ш.* «Усовершенствовать и возвеличить слово наше...» (Словарное дело Российской Академии. 1783–1841). СПб., 1994.

¹¹⁸ *Розанова В.В.*: 1) «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук». СПб., 1847. Т. 1–4 (История создания, принципы построения): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1952; 2) Словарь церковнославянского и русского языка // История русской лексикографии / Под ред. Ф.П. Сороколетова. СПб., 1998. С. 163–188; *Щекин А.С.* Предисловие к репринтному изданию 2001 г. // Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. Репринтное издание. СПб., 2001. С. 3–8.

¹¹⁹ Предисловие // Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1895. Т. I. С. XIII–XIV.

В 1847 г. «Словарь церковно-славянского и русского языка» вышел в свет. В 1867–1868 гг. словарь был переиздан безо всяких перемен. Однако этот труд имел много достоинств и немало недостатков, поэтому еще в 1850-е гг. отделение принялось усовершенствовать его. В обсуждении программы нового академического словаря приняли участие как академические, так и сторонние ученые. Они высказались в пользу его создания. По разным причинам этот труд часто прерывался и, наконец, был отложен.

К задуманному делу отделение возвратилось только в 1886 г., когда Я.К. Грот взял на себя обязанности редактора и совершенно переработал издание. Существенное отличие нового академического словаря от прежних заключалось в том, что это был толковый словарь, отражающий лексический состав языка на современном этапе его развития, с отделением церковнославянского словаря от русского литературного: в него вошли только те церковнославянские слова, которые укоренились в русском языке. Как сказано в предисловии к словарю, новое издание имело «предметом собственно общеупотребительный в России литературный и деловой язык в том виде, как он образовался со времени Ломоносова»¹²⁰.

Словарь получил нормативный характер и из сокровищницы языка превратился в святилище языка, где «жрец» следил за правильностью исполнения языковых «обрядов». Значение слов в нем объяснялось точными и сжатыми определениями, а их употребление — примерами из лучших писателей; при словах, заимствованных из других языков, указывалось их происхождение. Черновую работу по сбору материала вели молодые ученые, корректурные листы раздавались на просмотр отделения, и его члены высказывали свои замечания. Затем Грот заносил предложенные исправления и дополнения в текст словаря, и новые корректурные листы рассылались академикам двух других отделений, чтобы они вносили поправки каждый по своей специальности. Хотя в составлении словаря принимало участие много народа, в сущности он был единоличным делом Грота.

В 1891–1895 гг. был издан первый том (словарь выходил отдельными выпусками) под заглавием «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук» и заключал в себе буквы А—Д. Этот том стал известен как «словарь Грота» и считается образцом толкового академического словаря. После смерти Грота в 1893 г. издание перешло под руководство А.Ф. Бычкова, а в 1895 г. — к А.А. Шахматову.

Изданием академического словаря лексикографические труды отделения не ограничились. Подготовка «Словаря церковнославянского и русского языков» потребовала обращения к диалектной лексике. В 1845 г. отделение расширило работы по этому направлению и привлекло к сбору диалектологических материалов педагогов 21 губернии. На заседаниях отделения проводилось коллективное обсуждение и исправление словарных статей. Итогом совместной работы ОРЯС и педагогов стал один том «Опыта областного великорусского словаря», увидевший свет в 1852 г. под ред. А.Х. Востокова и А.М. Коркунова. Подготовка словаря содей-

¹²⁰ Там же. С. VI.

ствовала дальнейшему изучению диалектов русского языка, а «Программа для собирания образцов народного языка и словесности», составленная И.И. Срезневским и разосланная отделением в 1852 г., вызвала поступление многих новых материалов, которые после обработки были опубликованы как «Дополнение к “Опыту областного великорусского словаря”» (1858 г.).

В состав «Опыта областного великорусского словаря» не вошли «наречия белорусское и малороссийское, требующие по объему и особенным свойствам своим отдельных словарей» (док. 50). Редакция белорусского словаря была поручена члену Археографической комиссии И.И. Григоровичу, а после его смерти в 1852 г. — С.П. Микуцкому. Подготовленный ими «Словарь западнорусского наречия» был издан в «Известиях Второго отделения Императорской Академии наук». В 1852 г. на рассмотрение отделения поступил «Словарь малорусского наречия» А.С. Афанасьева и удостоился благосклонного отзыва И.И. Срезневского, а в 1853 г. тот же Срезневский забракował «Опыт малорусского словаря» Ф.С. Морачевского.

Сокровищницей живой народной речи был изданный в 1863–1866 гг. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. Хотя словарь сильно расходился с академическими словарями по принципам подачи и описания словарного материала, его автор был удостоен отделением Ломоносовской премии.

В области исторической лексикографии первое место занимает «Словарь церковнославянского языка» (Т. 1–2. 1858–1861) — плод сорокалетних занятий А.Х. Востокова, отражавший лексику древнерусско-церковнославянских памятников. «Поразительно разнообразно и количественно грандиозно для одного человека было уже самое число источников, использованных автором в своей работе. Востоков подробнейшим образом, со свойственной ему тщательностью, изучил и расписал более 130 рукописей XI–XVIII вв., им были изучены и все изданные к тому времени памятники старинной славянской письменности»¹²¹.

Вместе с А.Х. Востоковым у истоков отечественной исторической лексикографии стоял И.И. Срезневский. На годичном торжественном собрании Петербургского университета 8 февраля 1849 г. он произнес свою знаменитую речь «Мысли об истории русского языка», в которой он показал значение истории языка для познания истории народа. Более 40 лет жизни он посвятил созданию первого словаря древнерусского языка. Изданные после его смерти «Материалы для словаря древнерусского языка» (1890–1912, в 3 томах) составлены на основе исследования более 2600 письменных памятников¹²². Этот труд является единственным закон-

¹²¹ Цейтлин Р.М. Краткий очерк истории русской лексикографии (словари русского языка). М., 1958. С. 63.

¹²² Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III и Дополнения. М., 1893–1912. Подготовительные материалы Срезневского представляли собой расположенные в алфавитном порядке выписки из старинных рукописных и печатных памятников; он начал приводить этот материал в порядок и в конце 1860-х гг. приступил к его публика-

ченным словарем древнерусского языка и до настоящего времени не утратил своего значения¹²³.

Одним из главных направлений исследований в области русского языкознания стало изучение истории русского языка на основе применения сравнительно-исторического метода, исследование проблемы образования диалектов русского языка, древнерусские и старославянские памятники, которые изучались со сравнительно-грамматической точки зрения.

Разработка истории русского языка требовала опоры на громадный фактический материал письменных памятников. В 1882 г. отделение, убедившись в неудовлетворительности отрывочных изданий древнейших памятников русского языка, по предложению И.В. Ягича решило издать все выдающиеся памятники древней русской письменности XI–XIV вв.¹²⁴ Однако это начинание Ягича не нашло последователей, и серия «Памятники древнерусского языка» оборвалась на первом томе¹²⁵. Более долговечным изданием оказались инициированные Ягичем «Исследования по русскому языку», посвященные разбору языка отдельных памятников и говора отдельных местностей (док. 277)¹²⁶.

ции, однако счел необходимым подвергнуть его новой обработке и остановил издание. Богатые материалы для словаря древнерусского языка, извлеченные И.И. Срезневским из рукописных памятников, после смерти ученого в 1880 г. приводили в порядок его сын В.И. Срезневский и дочь О.И. Срезневская. Отделение решило печатать этот труд в том виде, в каком он остался после смерти составителя, только дополнив его ссылками на новые издания памятников. Вот почему словарь появился в печати под названием «Материалов». Издание шло под надзором академиков — сначала И.В. Ягича, а потом А.Ф. Бычкова. По словам современного исследователя В.Б. Крысько, «историческая русистика, бурно развивавшаяся в 1880–1910-е гг., обрекла такое лексикографическое пособие, которое уже не соответствовало ее требованиям и достижениям, хотя, разумеется, и предоставляло в распоряжение исследователей массу нового, но нуждающегося в перепроверке материала»: *Крысько В.Б. Русская историческая лексикография (XI–XVII вв.): проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 103–118.*

¹²³ В настоящее время продолжается издание двух исторических словарей: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–VIII. М., 1988–2008–; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008–.

¹²⁴ Отчет за 1882 год, составленный академиком А.Н. Веселовским и читанный им в торжественном собрании Академии 29 декабря 1882 года // Отчеты Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1866–1891 годы. СПб., 1903. С. 477.

¹²⁵ Памятники древнерусского языка. Т. 1: *Ягич И. В.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886.

¹²⁶ В 1885–1886 гг. в этой серии появились две работы молодых ученых: *Козловский М.М.* О языке Остромирова евангелия. СПб., 1885; *Шахматов А.А.* Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века // Исследования по русскому языку. СПб., 1886. Т. I. С. 131–285. В 1888–1895 гг. печатался капитальный труд Ягича «Рассуждения южнославянской и русской старины о цер-

Положением об ОРЯС предусматривалось построение грамматики русского литературного языка: «начертание сколь можно простейших и вразумительнейших правил употребления его» (§ 17). Еще в 1826 г. по поручению Министерства народного просвещения А.Х. Востоков составил «Русскую грамматику», а затем, в качестве учебного пособия, краткий вариант ее; обе грамматики неоднократно переиздавались.

В 1842 г. издание русской грамматики было возложено на Московскую временную комиссию. Председатель комиссии И.И. Давыдов полагал возможным «по разрешении всех идиотизмов и частных недоразумений грамматических» приступить к составлению и изданию академической грамматики» (док. 22, 23). Подготовленный Давыдовым «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (СПб., 1852) оказался слабой попыткой выполнить эту задачу и не шел ни в какое сравнение с «Русской грамматикой» А.Х. Востокова 1831 г., которая имела огромное значение для развития русской грамматической мысли. В 1855 г. отделение отметило столетие со дня выхода в свет первой грамматики русского языка, написанной М.В. Ломоносовым, переизданием этого труда с предисловием И.И. Давыдова (док. 89).

Нравственное значение русской грамматики поднял своими работами Ф.И. Буслаев. Целую эпоху в русском языкознании составил его труд «Опыт исторической грамматики русского языка» (Ч. 1–2. М., 1858; со второго издания 1863 г. «Историческая грамматика русского языка»). Буслаев представил в нем связный очерк грамматических форм, грамматических категорий и конструкций русского языка с историческими экскурсами и комментариями.

Научными и практическими вопросами правописания много лет занимался Я.К. Грот. По примеру Французской и Российской академий Грот присвоил Отделению русского языка и словесности право стоять на страже орфографии. В 1883 г. по его почину отделение признало нужным разъяснить некоторые спорные вопросы нашей грамматики, сообразуясь с современным состоянием филологии. Отделение поручило Гроту составить руководство по русской фонетике и орфографии, которое предназначалось к изданию *от отделения*¹²⁷.

На основе своих исторических изысканий Грот установил правила и нормы русского правописания, вошедшие в его руководство «Русское правописание» (1885), содержавшее свод научно обоснованных орфографических правил¹²⁸. Эта работа содействовала установлению единообразия письма, однако она не затронула основ правописания и не упростила его.

ковнославянском языке». 6 выпусков второго тома серии вышли в 1900–1909 гг. под редакцией академика А.А. Шахматова.

¹²⁷ [Сухомлинов М.И.] Отчет за 1883 год, составленный академиком М.И. Сухомлиновым и читанный им в торжественном собрании Академии 29 декабря 1883 года // Там же. С. 492.

¹²⁸ Грот Я.К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук. СПб., 1885. 10-е изд. СПб., 1893.

Самые широкие слои русского общества знали, что значит «писать по Гроту», ведь Министерство народного просвещения сделало это руководство обязательным для преподавателей во всех средних и низших учебных заведениях (док. 282). Неудивительно поэтому, что русское общество стало смотреть на отделение, а следом за ним и на всю Академию как на покровительницу русской филологии.

Издание произведений русской словесности

Само название Отделения русского языка и словесности предполагало, что оно берет на себя обязанность издавать произведения русской литературы, как древней, так и новой. Отделение надеялось на то, что такие издания могли оказать нравственное влияние на российское общество, «воспитывая сознание связи прошедшего с настоящим и развивая здравые понятия»¹²⁹.

В 1859 г. председательствующий в отделении П.А. Плетнев внес предложение «об ученом издании лучших отечественных писателей в период после Петровского». Я.К. Грот объявил, что «имел случай приобрести драгоценные материалы, относящиеся к жизни и творениям Державина и, занимаясь давно изучением сего писателя, он изданием его желал бы положить начало исполнению означенному предприятию» (док. 116).

В 1860-е гг. при содействии отделения Я.К. Грот подготовил собрание сочинений Державина с объяснительными примечаниями, он наметил основные приемы и дал определенные нормы подобного издания и выработал тот тип критического издания полного собрания сочинений классического автора, который служил образцом для всех последующих работ такого рода¹³⁰.

В 1887 г. отделение приступило к изданию полного собрания сочинений Ломоносова¹³¹. Этот труд принял на себя М.И. Сухомлинов вскоре по окончании им «Истории Российской Академии» (док. 283). Редактор предполагал напечатать все без исключения сочинения и письма Ломоносова по подлинным рукописям, если таковые сохранились, с обширными примечаниями и подробной биографией Ломоносова. При жизни Сухомлинова вышли первые четыре тома¹³².

В 1887 г., когда исполнилось 50 лет со дня гибели поэта, наступила пора для тщательного исторического изучения Пушкина и открылась возмож-

¹²⁹ Отчет о деятельности Второго отделения Императорской Академии наук за 1894 год, составленный акад. К.Н. Бестужевым-Рюминым. СПб., 1895. С. 9.

¹³⁰ Сочинения Державина, с объяснительными примечаниями Я.К. Грота. СПб., 1863–1883. Т. 1–9.

¹³¹ Отчет за 1887 год, составленный ординарным академиком Я.К. Гротом и читанный им в торжественном собрании Академии 29 декабря 1887 года // Отчеты Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности за 1866–1891 годы. СПб., 1903. С. 654.

¹³² Ломоносов М.В. Сочинения. СПб., 1891–1902. Т. 1–5.

ность напечатать все его произведения. В 1889 г. этот огромный труд взял на себя только что избранный в Академию наук Л.Н. Майков (док. 294)¹³³. Предполагаемым академическим изданием, основанным на тщательном изучении рукописей Пушкина и прижизненных изданий его произведений, отделение хотело «положить прочную основу для дальнейших изысканий и собрать для них возможно большее количество критически проверенного материала»¹³⁴.

Со вступлением в отделение таких крупных ученых, как Грот, Буслаев, Веселовский, Ягич, коллективные труды почти совершенно прекратились. По мере усиления индивидуализации научного творчества все большее значение приобретают такие формы коллективной деятельности, как организация юбилеев выдающихся ученых и литераторов и работы по экспертизе конкурсных работ.

Изучение истории просвещения в России

Отделение русского языка и словесности было единственным в составе Академии, которое посвящало себя целиком изучению исключительно русских национальных вопросов, поэтому оно приняло на себя почин в составлении истории российского просвещения в связи с деятельностью двух академий, Академии наук и Российской академии.

Большое внимание отделение уделяло составлению ежегодных отчетов о своей деятельности; в них сообщались погодная летопись о занятиях членов и некрологи-воспоминания о почетных и действительных членах отделения. В течение первых 13 лет составлением отчетов с большой заботливостью занимался П.А. Плетнев, в дальнейшем эта обязанность возлагалась поочередно на членов отделения. Отчеты печатались на страницах изданий отделения и в общеакадемических журналах. За первое десятилетие они были изданы отделением в одной книге, в последующие годы

¹³³ Л.Н. Майков писал в предисловии к первому тому критического издания сочинений Пушкина: «До сих пор попытки приготовить такое издание не могли увенчаться успехом, главным образом — по своей преждевременности: не все сочинения Пушкина могли сделаться достоянием печати, рукописи его не были доступны изучению, и очень многое из сказанного Пушкиным или касающегося его жизни не могло быть объяснено с достаточною полнотой и точностью. Ныне ход времени сам собою устраняет эти затруднения; протекло более шестидесяти лет со дня его кончины; поколение, ему современное, сошло с прищипа деятельности; те общественные отношения и условия, среди которых он жил, отодвинулись в прошлое»: Сочинения Пушкина: Издание Императорской Академии наук / Приготовил и примечаниями снабдил Леонид Майков. Т. 1. Лирические стихотворения (1812–1817). СПб., 1899. С. V.

¹³⁴ Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности за 1892 год. Составлен ординарным академиком Л.Н. Майковым и читан в торжественном собрании Императорской Академии наук 29-го декабря 1892 г. СПб., 1892. С. 6.

они также собирались воедино и выходили в свет отдельным изданием¹³⁵. Благодаря литературному дару авторов ежегодные отчеты о деятельности ОРЯС превратились в живую летопись жизни отделения и сами по себе представляют своеобразное и достойное изучения явление в отечественной словесности. По словам Я.К. Грота, они составили «важный материал или, лучше сказать, эпизод истории русской литературы в XIX веке»¹³⁶.

Академия наук в целом получила своего летописца в лице П.П. Пекарского, который вскоре после своего избрания прочел на торжественном заседании Академии наук 29 декабря 1863 г. речь «Очерк деятельности Академии наук по отношению к России в первой половине XVIII столетия». В последующие годы Пекарский успел разработать только первый период истории Академии, до начала царствования Екатерины II¹³⁷.

В первом томе составленной им «Истории Императорской Академии наук в Петербурге» представлены «Обзор предположений по части пространства просвещения и знания в России при Петре Великом», два исторических очерка, охватывающих историю Академии до 1766 г., и целый ряд биографий наиболее выдающихся ее деятелей за этот период. В приложении опубликован свод документов, относящихся к биографии Третьяковского и Ломоносова. В целом сочинение Пекарского является скорее изложением внешних событий, чем историей внутренней жизни Академии. Ранняя смерть Пекарского, последовавшая в 1872 г. от холеры, прервала начатую работу.

Изучение истории Академии возобновилось только спустя десятилетие усилиями М.И. Сухомлинова. В 1873 г. он вызвался заняться историей Российской академии, и отделение горячо поддержало его в этом намерении (док. 223, 224). В 1874–1888 г. он составил многотомный труд об истории и деятельности Российской Академии¹³⁸. Это издание представляло собой полезную справочную книгу, хотя читатель, по словам И.В. Ягича, не мог «освободиться от впечатления, что ее совокупная деятельность едва ли стоила столь обширного и подробного исследования»¹³⁹.

В 1882 г. на Сухомлинова было возложено издание материалов для истории Академии наук XVIII в. Инициатором этого издания был Д.А. Толстой, который убедился в важном значении академического архива, когда писал историю Академического университета и гимназии. Вскоре после вступления в должность президента Академии наук он обратил внимание

¹³⁵ Отчеты Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности за 1866–1891 годы, составленные по определению отделения академиками А.В. Никитенко, А.Ф. Бычковым, М.И. Сухомлиновым, А.Н. Веселовским, Я.К. Гротом, Л.Н. Майковым и К.Н. Бестужевым-Рюминым. СПб., 1903.

¹³⁶ Письмо Я.К. Грота П.А. Плетневу от 13 марта 1852 г. // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 576.

¹³⁷ *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1.

¹³⁸ *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. 1874–1889. Вып. 1–8.

¹³⁹ *Ягич И.В.* История славянской филологии. СПб., 1910 (Сер. Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1. С. 685).

ее членов на необходимость издания архивных материалов и прежде всего — протоколов академической канцелярии (док. 261, 267). Толстой выхлопотал на эти работы значительную государственную субсидию¹⁴⁰.

Сухомлинов собрал и опубликовал до 1750 г. «Материалы для истории Императорской Академии наук» (1885–1900. Т. 1–10)¹⁴¹. Главным источником для этого издания служило богатое собрание рукописей, хранившееся в архиве академической канцелярии: в нем находилось много любопытных материалов для истории не только просвещения, но даже искусств и ремесел в России XVIII в.¹⁴² Таким образом, работы по истории культуры и просвещения шли в направлении накопления фактического материала, издания документов и установления исторических фактов.

Начиная с 1860-х гг. заметную роль в жизни отделения стали играть юбилеи выдающихся деятелей культуры и просвещения.

В апреле 1865 г. исполнилось сто лет со дня смерти М.В. Ломоносова (1711–1765), и с этим юбилеем связано первое широкое чествование памяти знаменитого деятеля отечественного просвещения (док. 169)¹⁴³. В 1865 г. специальная комиссия подготовила программу чествования Ломоносова в Академии наук. От имени Академии была выбита медаль с изображением головы Ломоносова с бюста Ф.И. Шубина и надписью: «За кем же я пойду? Вслед подвигам Петровым»¹⁴⁴.

Члены Отделения русского языка и словесности П.С. Билярский и П.П. Пекарский и академик Историко-филологического отделения А.А. Куник подготовили к юбилею собрания архивных материалов, раскрывавших новые обстоятельства жизни и многосторонней деятельности Ломоносова¹⁴⁵.

¹⁴⁰ По 5 000 руб. ежегодно в течение трех лет.

¹⁴¹ В 1897 г. продолжение издания «Материалов» было опротестовано министром финансов С. Ю. Витте: он указал, что общая стоимость издания (на отпущенные 64 000 руб. было издано 8 томов) не соответствовало его значению: Протокол заседания ОРЯС от 1. 11. 1897. Ст. II.

¹⁴² Сухомлинов использовал материалы из С.-Петербургского Сенатского архива, Московского Архива Министерства юстиции.

¹⁴³ *Берков П.Н.* Ломоносовский юбилей 1865 г. (Страница из истории общественной борьбы шестидесятых годов) // Ломоносов: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1946. Т. 2. С. 216–247.

¹⁴⁴ Из посвящения И.И. Шувалову перед поэмой М.В. Ломоносова «Петр Великий». Решение о медали было принято под нажимом членов Отделения русского языка и словесности, вопреки желанию президента академии Ф.П. Литке. «Странно, право, — недоумевал по этому поводу А.В. Никитенко, — что Академии так мало дела до Ломоносова. Положим, он не великий человек науки в общем смысле, но для нас он очень важен, как первый, проложивший у нас путь науке и образователь нашего ученого и литературного языка»: *Никитенко А.В.* Записки и дневник (1826–1877). СПб., 1893. Т. 3. С. 14. Запись 5 марта 1865 г.

¹⁴⁵ *Билярский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865; *Куник А.А.* Сборник материалов для истории Императорской Академии наук

Публичное заседание памяти Ломоносова состоялось 6 апреля 1865 г.¹⁴⁶ Академия поминала Ломоносова как «могучего поборника всемирной науки, устами которого она впервые заговорила по-русски»¹⁴⁷. На заседании выступили с докладами академики Отделения русского языка и словесности Я.К. Грот и А.В. Никитенко.

Грот представил «Очерк академической деятельности Ломоносова», в котором он очертил фигуру Ломоносова с исторической точки зрения, дал общую оценку его академической деятельности и охарактеризовал его заслуги в области филологии¹⁴⁸. В своей речи Грот отметил: «В Ломоносове мы чувствуем могущество природного ума, который, в борьбе с враждебной судьбой, завоевал знание и проложил себе широкий путь в жизни; но мы чувствуем и науку, давшую ему значение и славу; мы чувствуем в Ломоносове сочетание пылкого гения с ненасытной пытливостью и неутомимым трудолюбием»¹⁴⁹. Никитенко прочел доклад «О значении Ломоносова в отношении к изящной русской словесности»¹⁵⁰. Примечательно, что Физико-математическое отделение не представило ни одного доклада.

Торжества прошли во многих городах России. В оценке заслуг Ломоносова на первый план выступила его общественная деятельность и национальное значение. «Общая дань памяти его есть торжественное признание драгоценнейших духовных сокровищ нации» — таким были тон и настроение Ломоносовского праздника¹⁵¹. Это неудивительно, если вспомнить, что в начале 1860-х гг., в период подготовки и проведения великих реформ, страна переживала небывалый культурный и общественный подъем, который сопровождался ростом национального самосознания.

После Ломоносовского юбилея отделение специально обсуждало вопрос о способах увековечения памяти российских ученых и литераторов (док. 198) и с этого времени стало укреплять традицию празднования юбилеев. В 1866 г. торжественно отмечалось столетие со дня рождения Н.М. Карамзина (док. 190, 191). В 1867 г. особым заседанием отделение отметило столетний юбилей митрополита Евгения Болховитинова (док. 192); в 1869 г. — тысячелетие со времени кончины славянского первоучителя преподобного Кирилла (док. 201).

в XVIII в. Ч. 1–2. СПб., 1865; *Пекарский П.П.* Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865.

¹⁴⁶ Торжественное собрание Императорской Академии наук для празднования памяти Ломоносова // Записки ИАН. 1865. Т. 7. С. 109–113.

¹⁴⁷ Там же. С. 113.

¹⁴⁸ *Грот Я.К.* Очерк академической деятельности Ломоносова, читанный академиком Я. К. Гротом в торжественном собрании Императорской Академии наук 6 апреля 1865 г. // Там же. С. 220–258.

¹⁴⁹ Там же. С. 221.

¹⁵⁰ *Никитенко А.В.* О значении Ломоносова в отношении к изящной русской словесности // ЖМНП. 1865. № 5. С. 436–455.

¹⁵¹ *Грот Я.К.* Очерк академической деятельности Ломоносова, читанный академиком Я. К. Гротом в торжественном собрании Императорской Академии наук 6 апреля 1865 г. // Записки ИАН. 1865. Т. 7. С. 221.

В 1872 г. отделение приняло участие в общеакадемическом праздновании 200-летия со дня рождения Петра I. На торжественном заседании Академии наук 31 мая 1872 г. Я.К. Грот выступил с речью «Петр Великий как просветитель России» (док. 222). По почину А.Ф. Бычкова было начато издание полного собрания писем и бумаг императора, содержащих ценный материал для истории его царствования и беспристрастной характеристики его личности¹⁵². Под редакцией Бычкова вышли первые четыре тома «Писем и бумаг Петра Великого» (1887–1900. Т. 1–4). После его смерти в 1899 г. редактором издания стал его сын, член-корреспондент И. А. Бычков.

В 1883 г. отделение отметило столетнюю годовщину основания Российской академии — своей прародительницы. Памятной дате было посвящено торжественное заседание, собравшее большое число гостей; многие научные учреждения приветствовали отделение как достойного преемника Российской академии (док. 272–275).

Отделение чествовало своих членов по случаю 50-летия их научной и литературной деятельности. В 1854 г. и 1861 г. отделение приветствовало А.Х. Востокова (док. 81, 130). В феврале 1861 г. отмечался юбилей литературной деятельности П.А.Вяземского — 50 лет, как он «сочетался с музой». В 1864 г. отделение чествовало П.М. Строева (док. 154, 156, 159), в 1879 г. — И.И. Срезневского (док. 245), в 1882 г. — Я.К. Грота (док. 262, 263), в 1888 г. — Ф.И. Буслаева (док. 286, 287). В 1875 г. отделение приветствовало академика О.Н. Бетлинга в связи завершением работ по изданию санскритского словаря (док. 229–231).

В 1882 г. отмечалось столетие со дня первого представления «Недоросля» Д.И. Фонвизина (док. 264). В начале 1883 г. состоялось празднование столетия со дня рождения В.А. Жуковского (док. 265, 268). В 1887 г. было проведено заседание по поводу столетия со дня рождения К.Н. Батюшкова (док. 284). В 1888 г. отделение чествовало А.Н. Майкова (док. 285), в 1889 г. — А.А. Фета (док. 290, 291).

Академик Я.К. Грот однажды высказался о значении юбилейных событий в жизни общества: «С первого взгляда чествование памяти замечательных людей представляет характер чего-то случайного, насильственно вторгающегося в нашу повседневную жизнь и нарушающего правильный ход ее. Но, с другой стороны, это невольное отвлечение наших мыслей

¹⁵² А.Ф. Бычков предложил свой проект издания министру народного просвещения Д.А. Толстому. Толстой поддержал проект, и по его представлению Александр II распорядился создать под председательством министра особую Комиссию для собирания материалов к изданию писем и бумаг Петра Великого. В 1879 г. был подготовлен первый том и даже получены деньги на его издание. Но в 1880 г. Толстой оставил пост министра, отпущенная сумма не была израсходована и вернулась в государственное казначейство. Деятельность комиссии приостановилась, однако Бычков не прекращал своих занятий в архивах. В 1885 г. наблюдение за изданием было возложено на президента Академии наук, т. е. на того же Толстого, вновь была отпущена необходимая сумма на издание первого тома; его редактором стал Бычков.

от обычной прозы дел и занятий, это обязательное обращение к тому, что временем отброшено далеко от нас, чрезвычайно благотворно: оно дает нам возможность взглянуть с новой точки зрения на наше настоящее и на самих себя, проверить наши собственные помышления, желания и действия»¹⁵³.

Экспертная оценка конкурсных работ

Проведение экспертизы научных сочинений являлось традиционной функцией всех академий наук. Императорская Академия наук также являлась высшим экспертом в вопросах науки и присуждала премии и награды за выдающиеся научные результаты в разных областях знания. Отделение русского языка и словесности как одно из подразделений Императорской Академии наук было вовлечено в работу как по оценке работ, представляемых на соискание премий в области науки и литературы, так и по организации новых премий.

К моменту создания отделения в Академии действовала одна-единственная Демидовская премия, учрежденная в апреле 1831 г. по инициативе и финансовой поддержке крупного промышленника П.Н. Демидова (1798–1840). Премия имела назначением «содействовать к преуспеянию наук, словесности и промышленности в своем отечестве» и присуждалась российским ученым за лучшие сочинения по всем отраслям знания, а определение победителей предоставлялось Академии наук. Начиная с 1844 г. представители ОРЯС входили в комиссии по присуждению Демидовских премий¹⁵⁴.

По условия завещания деньги после смерти учредителя вносились в премиальный фонд только в течение 25 лет (т. е. до 1865 г.). С 1832 по 1865 гг. конкурсные комиссии рассмотрели более 900 работ, было выдано около 300 наград.

Особое значение для Академии наук имела премия в честь ее президента С.С. Уварова, учрежденная в 1856 г. на средства, переданные родственниками. Премия присуждалась за труды по русской истории и драматические произведения. Члены отделения принимали участие в оценке представленных литературных сочинений. Наградами были отмечены А.Н. Островский (пьесы «Гроза» в 1860 г. и «Грех да беда на кого не живет» в 1863 г.), А.Ф. Писемский (драма «Горькая судьбина» в 1860 г.), Д.Д. Минаев (комедия «Разоренное гнездо» в 1863 г.).

Как и в любом конкурсе, случались досадные осечки, результаты не всегда были объективны и справедливы. Так, не получила поощрения представленная на конкурс в 1866 г. трагедия А.К. Толстого «Смерть Иоанна

¹⁵³ Грот Я.К. Очерк жизни и поэзии Жуковского // Сборник ОРЯС. 1883. Т. 32. № 1. С. 1.

¹⁵⁴ Подробнее см.: Мезенин Н.А. Лауреаты Демидовских премий Петербургской Академии наук (1832–1865). Л., 1987.

Грозного». Рецензентом выступил академик А.В. Никитенко, который высоко оценил драму и предложил увенчать ее автора полной премией. Три из семи членов комиссии согласились с его мнением, но они не составляли квалифицированного большинства в две трети голосов. Тогда комиссия обратилась к стороннему рецензенту, но тот не прислал отзыва, что послужило формальным поводом для отказа в поощрении¹⁵⁵. В 1876 г. драматические произведения были исключены из числа сочинений, которые могли участвовать в соискании Уваровских наград.

В 1865 г. по инициативе и при активном участии ОРЯС была учреждена первая государственная премия в России под именем «Ломоносовская», в память о заслугах, оказанных отечественному просвещению первым русским академиком¹⁵⁶. Присуждение этой премии было доверено Академии наук, которая ежегодно получала от правительства на эти цели 1000 руб. Ломоносовская премия предназначалась для поощрения выдающихся научных результатов в области фундаментальной науки и ее прикладных приложений.

Она присуждалась российским ученым за труды, написанные на русском языке и изданные в России, которые существенно обогащали науку, вносили важный вклад в физику, химию и минералогии, а также русскую и славянскую филологию.

Академия наук награждала только такие труды, «которыми и самое значение премии возвышается». В первые 30 лет, когда правила позволяли присуждать только одну премию в 1 000 руб., число лауреатов Ломоносовской премии по Отделению русского языка и словесности составляло всего 7 человек. Присуждением Ломоносовской премии отделение старалось отметить заслуги своих выдающихся сочленов и подводило итог их многолетних занятий. Среди первых лауреатов были члены-корреспонденты отделения А.В. Горский и К.И. Невоструев, почетный член В.И. Даль и А.А. Потебня, последний одновременно с присуждением премии был избран членом-корреспондентом.

Приветствуя в 1875 г. серьезный труд по русской филологии А.А. Потебни, И.И. Срезневский радовался тому, что «с году на год смелее можем мы думать и говорить, что исследовательная наука пустила свои жизненные корни в нашу почву, что хотя и редко, более поодиночке, но все чаще и оживленнее, все с большею силою увлечения к исследованиям, дают о себе знать наши люди науки трудами своего дарования и знания»¹⁵⁷.

¹⁵⁵ Никитенко считал, что причина неудачи крылась в личной неприязни к нему как к рецензенту. По его словам, «вышло дело постыдное и забавное. Наибольшие невежды в деле изящной литературы помешали награде <...>. Да смешнее всего, что и они, наслышавшись от других, не отвергли достоинств пьесы, но им досадно было, что награда присуждалась по моей рецензии»: *Никитенко А.В. Дневник. В 3-х т. Т. 3. М., 1956. С. 46.*

¹⁵⁶ *Басаргина Е.Ю. Ломоносовская премия Императорской Академии наук — первая государственная премия в России». СПб., 2012. (Серия «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки». Вып. 2).*

В те годы, когда Академия не могла найти достойных трудов, премия не присуждалась вовсе. За первые 30 лет действия премии присуждения объявлялись несостоявшимися 13 раз, из них 9 раз по Отделению русского языка и словесности (до 1891 г. — 8 раз). Факт неприсуждения премий говорит о том, что российская гуманитарная наука не достигла в этот период такого уровня, чтобы из года в год, бесперебойно выдавать труды, которые существенно обогащали науку и были достойны Ломоносовской премии.

После того, как Академия получила важную привилегию — присуждение первой в России государственной премии, десятки учреждений и частных лиц начали передавать в Академию наук свои сбережения для учреждения премиальных фондов. Во второй половине века были учреждены 35 именных премий и наград. Так под воздействием государственной премии имени М.В. Ломоносова в Академии наук сформировалась развитая премиальная система.

В 1867 г. было положено основание премии академика ОРЯС митрополита Макария (в миру М.П. Булгаков). Еще в молодости Макарий дал обет не тратить денег, которые он получит за печатание своих трудов, а сберечь для учреждения в будущем премии для поощрения отечественных талантов. В 1867 г. он пожертвовал крупный капитал (120 000 руб.), проценты с которого предназначались для присуждения премий поочередно по богословским и светским наукам. Награждение авторов «за лучшие сочинения по светским наукам по всем отраслям наук и знаний, за самостоятельные труды, которые существенно обогащают науки, внося в нее новые факты, наблюдения и воззрения», доверялось Академии наук¹⁵⁸. Первые лауреаты академической премии появились в 1885 г. За труды по славяноведению премии были удостоены А.А. Кочубинский и Т.Д. Флоринский в 1889 г. и А.Л. Дювернуа за словарь болгарского языка — в 1891 г.

В 1880 г., когда Толстой оставил пост министра народного просвещения, его бывшие сослуживцы собрали по подписке более 10 000 рублей на научную премию имени графа Д.А. Толстого. Толстой утроил этот капитал, присоединив к нему собственные средства, что дало возможность присуждать премию ежегодно, начиная с 1884 г. Премия присуждалась за сочинения, относящиеся к тем отраслям науки, которые, на основании устава Академии, входили в круг ее занятий. Конкурс проводился поочередно по Физико-математическому отделению, Отделению русского языка и словесности и Историко-филологическому отделению. В ОРЯС рассматривались работы по русской и славянской филологии и истории языка и словесности русского и других славянских народов, не исключая ученых образом обработанных словарей и грамматик.

Первое и единственное в изучаемый период присуждение наград по ОРЯС состоялось в 1888 г.; отмечены были подготовленное Л.И. Поливановым «Критическое издание сочинений А.С. Пушкина с объяснениями, для семьи и школы», прочитанные А.И. Соболевским в университе-

¹⁵⁸ Сборник сведений о премиях и наградах, раздаваемых Императорской Академией наук. СПб. 1888. С. 1–5.

те св. Владимира «Лекции по истории русского языка» и составленный А.И. Степовичем «Очерк истории чешской литературы».

Особый характер носила основанная в 1880 г. премия Н.И. Костомарова, которая была предназначена к выдаче всего один раз за лучший малороссийский словарь, основу которого должен был составлять народный язык, с объяснением слов на русском языке (док. 253). Премия была присуждена только в 1905 г.

Единовременной была и премия за лучшее сочинение о В.А. Жуковском, учрежденная к 100-летию со дня его рождения в 1883 г. В 1895 г. награда была выдана, и конкурс закрыт (док. 265).

В 1883 г. состоялось учреждение премии имени А.А. Котляревского за ученые исследования по славянской филологии и археологии. Средства на премию были переданы Академии наук вдовой ученого с пожеланием издать собрание его сочинений. Отделение выполнило это условие, а в 1908 г. учредительница премии Е.С. Котляревская пошла навстречу желанию отделения направлять средства от неприсужденных премий на научные предприятия (док. 266).

При участии отделения были учреждены две литературные премии, неравнозначные по своему влиянию на литературный процесс. Премия А.А. Киреева вступила в действие в 1890 г. и по настоянию отделения присуждалась без представления сочинений авторами и лишь тогда, когда появится в печати замечательное драматическое произведение, которое Отделением будет признано заслуживающим премии (док. 302). Единственное присуждение этой премии состоялось в 1915 г., когда награды получили П.Д. Боборыкин, П.М. Невежин, И.В. Шпажинский за драматургическую деятельность в целом.

Среди академических премий особое место занимает премия имени А.С. Пушкина — одна из первых литературных премий в мире. Премия была учреждена в 1881 г. на средства, оставшиеся от расходов на памятник поэту в Москве. К конкурсу допускались отличавшиеся «высшим художественным достоинством» произведения изящной словесности в прозе или стихах, стихотворные переводы и научные труды по истории русской литературы. Присуждение этой премии целиком доверялось Отделению русского языка и словесности Императорской Академии наук (док. 256).

Главное предназначение конкурса отделение видело в том, чтобы помочь читающей публике высмотреть в новых произведениях словесности животворящий луч Пушкина. Поэтому отделение не проявляло большой щедрости в раздаче премий: оно считало достойными награды только прямых последователей Пушкина, памяти которого и была учреждена премия. Первыми лауреатами Пушкинской премии стали прямые наследники пушкинского гения — А.Н. Майков, Я.П. Полонский и А.А. Фет.

По счастливой случайности получил премию С.Я. Надсон, который принял участие в конкурсе за год до смерти (1886). По просьбе отделения его рецензентом выступил А.А. Голенищев-Кутузов. Однако он вовремя не представил отзыв, и разбор творчества Надсона принял на себя академик Я.К. Грот. Основываясь на этом отзыве, ОРЯС присудило Надсону поло-

винную премию. После того как результаты конкурса были объявлены на торжественном публичном заседании, подоспела рецензия Голенищева-Кутузова: она оказалась отрицательной, но практического значения уже не имела. Сама возможность подобного рода взаимоисключающих приговоров свидетельствует о большой доле субъективности в таком деликатном деле, каким является критический разбор новых стихотворных произведений.

Весьма успешным был пушкинский конкурс в номинации «стихотворные переводы»: он не только отражал состояние переводной литературы, но породил новое ответвление филологической науки, специализировавшееся на теории художественного перевода. Публиковавшиеся в академических изданиях обстоятельные критические разборы переводов, удостоенных награды, могли служить образцами и своего рода практическим руководством для авторов стихотворных переводов, содействуя большей профессионализации их труда.

В 1882 г. Я.К. Грот высказал пожелание, чтобы первое присуждение пушкинских премий послужило добрым предзнаменованием для будущего времени, чтобы оно явилось новым звеном, связующим Академию наук с живой современной литературой. Но Пушкинский конкурс был скорее состязанием поэтических переводов, чем оригинальных литературных произведений.

По правилам присуждения премий члены Академии наук не имели права участвовать в конкурсах, в их задачу входила оценка поступавших сочинений. Это побуждало к участию в соревновании молодых или уже состоявшихся исследователей из других учреждений, но еще не получивших достаточного признания. Поддержка ученых «второго плана», из столичных городов или из провинции, способствовала развитию науки в целом и очень часто влияла на судьбу ученого.

Не редки случаи, когда лауреаты академических премий впоследствии становились членами отделения. Так, среди лауреатов Демидовской премии было немало будущих членов ОРЯС: полной премии удостоились А.Х. Востоков (1832), А.И. Михайловский-Данилевский (1836), М.П. Погодин (1839), Г.П. Павский (1844), митрополит Макарий (1853), П.П. Пекарский (1861).

Полной Пушкинской премией был увенчан Л.Н. Майков, подготовивший вместе с В.И. Саитовым собрание сочинений К.Н. Батюшкова в трех томах с обширными комментариями и монографией о поэте (1888). Рецензент проф. Казанского университета Н. Н. Булич сравнивал это издание с изданием древнего классика, а комментарий к нему — «с тонкой работой ювелира»¹⁵⁹.

Безвозмездное рецензирование работ по своей специальности было одной из обязанностей действительных членов Академии наук. Академик мог ограничиться устным докладом с общей характеристикой науч-

¹⁵⁹ Отчет о четвертом присуждении Пушкинских премий // Записки Имп. АН. СПб., 1888. Т. 59. Приложение № 3. С. 43.

ных результатов соискателя, но, как правило, он представлял подробный письменный отзыв. Рецензии, написанные академиками-гуманитариями, были особенно обстоятельными. Так, например, чтение отзыва Я.К. Грота о «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля продолжалось на пяти заседаниях Отделения русского языка и словесности, т. е. больше месяца.

Для рецензирования конкурсных работ отделение использовало творческий потенциал своих членов-корреспондентов. Являясь выражением признания заслуг ученого, избрание в члены-корреспонденты не было сопряжено с формальными обязательствами, потому что они не получали за свое звание никакого содержания. Однако отделение старалось вводить членов-корреспондентов в круг своих научных занятий и при проведении конкурсов научных работ рассматривало их как своих первых помощников.

В целом же можно говорить о важной роли, которую играли премии по выявлению научного потенциала страны в различных отраслях знаний. Академия в целом и особенно Отделение русского языка и словесности находили среди лауреатов премий достойных кандидатов для замещения академических кафедр.

Отделение как структурное подразделение Академии наук и проекты его реформы

В отличие от двух других отделений Академии наук, Физико-математического и Историко-филологического, Отделение русского языка и словесности руководствовалось в своей деятельности не только общеакадемическим Уставом Императорской С.-Петербургской Академии наук, утвержденным в 1836 г., но еще и особым Положением об Отделении русского языка и словесности при Императорской Академии наук (1841 г.).

По § 8 Положения члены ОРЯС не получали по академической службе ни жалованья, ни пенсий. Взамен этого им была назначена плата за посещение заседаний и гонорар за издаваемые ими труды.

Членам ОРЯС была назначена плата за каждое заседание, в котором они участвовали: по 8 рублей за каждое заседание. Этот способ вознаграждения члены отделения считали довольно униженным, потому что он служил «как бы приманкой для посещения заседаний и возбуждал мысль, что без него заседания отделения были бы или менее полны, или не так часты» (док. 195). К тому же сумма, даже при самом усердном посещении двух заседаний в неделю, не превышала 600 руб. в год на каждого. Материальные соображения побуждали членов отделения собираться чаще, чем это делали два других отделения. Заседания ОРЯС проводились каждую неделю, но время от времени число заседаний ОРЯС увеличивалось. Например, в 1844, 1850 гг. отделение собиралось дважды в неделю, и тогда

общее число заседаний могло возрасти до 75 в год¹⁶⁰. Эта мера вводилась для усиления общих занятий академиков, хотя материальные соображения тоже играли известную роль.

Плата за труды сначала была определена в 30 руб. с печатного листа, а в 1862 г. удвоена (док. 134). Такой гонорар также имел свои неудобства, ведь «два одинаково деятельные члена могут находиться в совершенно разном положении: один, печатающий, может получать от своих трудов до 2 000 и более рублей в год, а другой, пишущий, оставаться целые годы без всякого дохода от своего умственного труда, выжидая срока, когда, наконец, он будет в состоянии приступить к его печатанию» (док. 195).

Вознаграждение, которым пользовались члены, было весьма скудным. Так, для академика А.Х. Востокова, который по вступлении в Академию наук оставил службу в Публичной библиотеке и Археографической комиссии и целиком посвятил себя академической деятельности, вознаграждение ограничивалось суммой от 500 до 600 руб. в год, выдававшейся ему за участие в заседаниях отделения, и временной прибавкой в 224 руб., когда он состоял членом Комитета правления. Сверх того, за 27-летнюю службу при Императорской Публичной библиотеке Востоков получал пенсию 771 руб. 89 коп. из Государственного казначейства. После смерти Востокова в 1864 г. его вдова имела право на половину пенсии мужа, что составляло 385 руб. 94 коп. в год. Чтобы выхлопотать ей достойное содержание, потребовалось специальное ходатайство отделения: по личному распоряжению императора ей была назначена пенсия 1000 руб. и единовременное пособие в том же размере. Семье Востокова не хватило средств, чтобы поставить памятник на его могиле, и отделение собрало необходимую сумму частными пожертвованиями (док. 186).

Вопрос об уравнивании материального обеспечения и служебных прав членов ОРЯС с правами остальных членов Академии являлась центральным вопросом проектов реформы Академии наук вплоть до конца XIX в.

Впервые необходимость пересмотреть некоторые параграфы «Положения» появилась в 1851 г. в связи с назначением П.А. Ширинского-Шихматова министром народного просвещения. При составлении «Положения» «звание министра народного просвещения и президента академии были соединены в одном лице и казались как будто неразлучными» (док. 57). По предложению президента С.С. Уварова была составлена новая редакция некоторых статей, однако новый министр дал согласие на изменение только одного параграфа, касавшегося порядка оплаты труда членов отделения (док. 58, 60).

В 1855 г., вскоре после вступления академика А.С. Норова в должность министра народного просвещения, председательствующий в отделении

¹⁶⁰ Отчет за 1844 год // Отчеты Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности за первое десятилетие с его учреждения, составленные по определению отделения академиком П.А. Плетневым, и читанные им в публичных торжественных собраниях 29 декабря, в день ее основания. СПб., 1852. С. 125.

И.И. Давыдов, воспользовался этим благоприятным, как ему казалось, обстоятельством, чтобы изменить устройство отделения и соединить воедино общеакадемический устав с «Положением» отделения. Давыдов надеялся получить некоторые материальные выгоды для деятельных членов отделения и определенные преференции для себя как председательствующего в отделении. Но именно хорошая осведомленность А.С. Норова о делах и положении ОРЯС стала одной из причин его отказа Давыдову. По мнению академика-министра «настоящие положения Академии и Второго отделения не так еще не хороши, чтобы требовали изменений: быть может, есть некоторые в частностях несообразности, но они могут быть решаемы секретными министерскими предписаниями» (док. 83–86).

Вопрос об уравнивании материального обеспечения и служебных прав членов ОРЯС с правами остальных членов Академии являлся центральным вопросом проектов реформы Академии наук, обсуждавшихся на протяжении следующих 40 лет.

Члены отделения не чувствовали себя полноправными членами Академии, ведь даже в печати отделение называлось «состоящим при Академии наук». Их огорчало, что русская филология была, «так сказать, прикреплена к Академии снаружи, но не привита к ней» (док. 166). Обособленность II Отделения приводила к тому, что академики по русскому языку и словесности были отделены от членов Академии по русской истории, которые входили в состав Историко-филологического отделения. Внутреннее устройство и принципы деятельности Академии наук перестали соответствовать ее уставу. Требовалось согласование устава Академии наук с «Положением об Отделении русского языка и словесности». Первые попытки провести реформу Академии наук и обновить ее организацию согласно требованиям времени относятся к началу царствования Александра II и были предприняты президентом Академии наук графом Д. Н. Блудовым.

Многосторонне образованный, искренне гуманный, обладавший тонким литературным вкусом, *Дмитрий Николаевич Блудов* (1785–1864) был глубоко предан делу просвещения. Племянник Г.Р. Державина и друг Н.М. Карамзина, почетный член Академии наук, он оказал особенную услугу русской литературе изданием последнего, 12-го тома «Истории государства Российского» Карамзина, завещавшего ему завершить свое сочинение¹⁶¹. Вместе с С.С. Уваровым он стоял у истоков литературного общества «Арзамас». Любовь к родному слову, истории и древней письменности побуждала его дорожить всем, что содействовало развитию изящной словесности и изучению русской истории. Когда Блудов занял должность президента Академии наук, он был одним из самых влиятельных государственных сановников империи.

¹⁶¹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 12. СПб., 1829. По замечанию А.И. Герцена, Блудов — «продолжатель истории Карамзина, не написавший ни строчки далее»: *Герцен А.И.* Собр. соч. В 30 т. Т. 8. Былое и думы. Ч. 2. Гл. XVII. М., 1956. С. 304.

Во вступительной речи, произнесенной в Академии 23 декабря 1855 г., Д.Н. Блудов подчеркнул первенствующую роль изящной словесности и обещал «по обязанности, как прежде по одной любви к познаниям и к изящному в литературе, следовать тщательно и беспристрастно за ходом ее разнообразных, почти всеобъемлющих в области ума занятий, душевно радоваться успехам ее и <...> свидетельствовать о них пред Августейшим ее Покровителем»¹⁶².

Одним из первых распоряжений Д.Н. Блудова в Академии явилось создание Комиссии для рассмотрения разных вопросов, возникающих при согласовании Устава Академии 1836 г. с изданным в 1841 г. «Положением об Отделении русского языка и словесности»¹⁶³. Задачей комиссии Блудов считал не коренную реформу Академии, а лишь изменение отдельных параграфов ее устава. Каждое отделение делегировало в комиссию по два человека¹⁶⁴, а во главе ее был поставлен председательствующий в Отделении русского языка и словесности И. И. Давыдов.

Одним из центральных вопросов задуманной Блудовым реформы был вопрос об уравнивании материального обеспечения и служебных прав членов ОРЯС с правами остальных членов. При этом Академия наук нашла для себя обременительными расходы по содержанию тех членов, которые по большей части отсутствовали. Помимо соображений экономического характера необходимость сокращения численности отделения объяснялась трудностью замещения вакантных кафедр: в стране еще не было достаточного числа представителей славяно-русской филологии и истории славян, достойных занять академическое кресло и готовых всю свою деятельность посвятить Академии.

Проект нового академического устава, подготовленный в марте 1857 г., урезал число действительных членов отделения до шести, а для остальных, в основном духовных лиц и литераторов, ввел звание почетного академика, которые могли избираться «из среды первостепенных ученых, русских и иностранных, и из числа знаменитейших русских литераторов» (док. 100). Почетные академики (за исключением лиц духовного звания и иностранцев) должны были состоять на государственной службе наряду с другими академиками, но в отличие от них не получали жалованья и пенсий. Почетные академики могли присутствовать в академических собраниях и участвовать в занятиях отделений с правом голоса при обсуждении ученых

¹⁶² Речь президента Императорской Академии наук в заседании 23 декабря 1855 г. Типографский оттиск. СПб АРАН Ф. 1. Оп. 1. Д. 119. Л. 95.

¹⁶³ СПб АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1856. Д. 13. Л. 1. Предложение г. президента Академии наук от 1 марта 1856 г. за № 22, читанное в Общем собрании Академии, состоявшемся 2-го марта 1856 года.

¹⁶⁴ От Физико-математического отделения в комиссию вошли Э.Х. Ленц и Г.П. Гельмерсен, Отделение русского языка и словесности выдвинуло П.А. Плетнева и А.В. Никитенко, Историко-филологическое отделение представляли П.И. Кеппен и К.С. Веселовский. Впоследствии вместо Гельмерсена назначен был М.В. Остроградский, а на место Плетнева — И.И. Срезневский.

предметов, однако на них не возлагалось никаких обязательств. Это мог быть «настоящий Парнас», как говаривал Блудов¹⁶⁵.

При последующем обсуждении проекта почетные академики превратились в сторонних академиков, причем это звание стало общим для всей Академии (док. 103).

В окончательном варианте проекта, одобренном Общим собранием 30 мая 1857 г., Отделение русского языка и словесности располагало 7 академиками: для филологии общеславянской — 2 академика; для русского языка в отношении теоретическом и историческом — 2; для истории словесности русской и прочих славянских наречий — 3 (док. 103). Таким образом, проект 1857 г. сохранил Отделение русского языка и словесности как самостоятельное структурное подразделение, но сильно сократил его численность.

Проект устава был одобрен Общим собранием Академии наук 30 мая 1857 г., но не получил дальнейшего движения. К.С. Веселовский пишет, что Д.Н. Блудов принял проект очень холодно, а когда узнал, что он предусматривал увеличение ассигнований на 30 000 руб., даже не пожелал развернуть его, заявив, что он не даст ему хода из-за затруднительного финансового положения страны¹⁶⁶.

Вновь вопрос о составлении нового академического устава и о реформе ОРЯС встал в 1864 г. при новом президенте Ф.П. Литке.

Адмирал *Федор Петрович Литке* (1797–1882), ученый путешественник и полярный исследователь, происходил из остзейского дворянства и имел репутацию германофила, он был горячим почитателем немецкой науки и старался противостоять пороку «преувеличенного руссизма». Литке занялся академической реформой, в согласии с императорским указом «составить проект нового устава и штата с целью усилить ученую деятельность Академии, направив оную преимущественно на пользу России»¹⁶⁷. Предстояло решить судьбу Отделения русского языка и словесности в целом, и найти ему «приличное место» в общей структуре Академии наук (док. 149).

В состав комиссии, которой предстояло заняться подготовкой проекта нового устава, от отделения вошел Я.К. Грот. Сначала обсуждалась возможность возрождения Российской академии, тем более что сами члены ОРЯС признавали, что «смешение филологов с талантливыми писателями везде препятствовало успехам академических трудов»¹⁶⁸. Хотя на первый

¹⁶⁵ Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 686.

¹⁶⁶ *Веселовский К.С.* Время президентства графа Д.Н. Блудова в Академии наук 1855–1864 // Русская старина. 1901. Т. 108. № 12. С. 500.

¹⁶⁷ Подробнее см.: *Басаргина Е.Ю.* Проекты академической реформы 1855–1917 гг. СПб., 2013. (Серия «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки». Вып. 3).

¹⁶⁸ Письмо П.А. Плетнева Я.К. Гроту // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 687. Ср. там же: «Я всегда находил, что филология и произведения изящной словесности никак не составля-

взгляд разделение ученых и писателей казалось разумной мерой, однако вскоре комиссия убедилась в том, что создание нового института наподобие Российской академии, «при разладе, господствующем в современной петербургской литературе, едва ли было осуществимо на практике»¹⁶⁹.

Когда план воссоздания на новых основаниях Российской академии был оставлен как неудобноисполнимый, рассматривался вопрос о присоединении ОРЯС к Историко-филологическому отделению, ведь темы занятий двух гуманитарных отделений тесно соприкасались. Отделение русского языка и словесности должно было превратиться в разряд славянской и русской филологии и словесности Историко-филологического отделения в составе пяти членов: трех для русского языка, старославянского и для прочих славянских наречий и двух для истории русской словесности (док. 150, 157).

Активными сторонниками слияния двух отделений были члены Историко-филологического отделения, где издавна существовала кафедра русской истории и древностей. К мысли о слиянии обоих отделений склонялся и Грот, который полагал, что эта мера приведет к усилению взаимного общения ученых родственных специальностей. По его словам, «более живое, периодически повторяющееся общение между лицами, разрабатывающими родственные языки и отрасли знаний, это усиленное взаимное общение, которое произошло бы от соединения II-го и III-го отделений, было бы благотворно для обеих сторон и устранило бы то неудобство, которое ныне часто ощущается от разрозненного существования этих двух отделений, так как в них нередко встречаются вопросы общего для обоих интереса и требующее совокупного их обсуждения» (док. 158).

Важным аргументом в пользу слияния двух отделений, по мнению Грота, являлось то соображение, что корпорация из 5 человек не может существовать отдельно. Об этом он написал в своей «Дополнительной записке»: «Неудобства в решении дел столь малочисленною коллегией очевидны, особливо если предположить, что один из 5 членов будет в отпуске, а другой в то же время занеможет. Наконец, легко представить себе и такой случай, когда налицо останется только два члена, так что нарушится и необходимое для заседаний правило *tres faciunt collegium*» (док. 161).

В Отделении русского языка и словесности не было единодушия по этому вопросу. При частных совещаниях об этом предмете в самом отделении оказалось, что из пятерых лиц, постоянно участвующих в заседаниях II отделения, трое были за слияние его с III, двое же допускали такое слияние только условно, в известной мере, желая, чтобы II отделение вместе с тем сохранило некоторую самостоятельность. За слияние с

ют принадлежности одного и того же разряда писателей. Первая требует учены и кропотливых трудов. Она должна войти в категорию той филологии, какую занимают некоторые из академиков Третьего отделения. Грамматика, словарь и прочие исследования по языку должны быть возложены на этих академиков, и они справедливо могут быть причислены к III отделению».

¹⁶⁹ Письмо Я.К. Грота П.А. Плетневу от 23 октября 1864 г. // Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Издана под ред. К.Я. Грота. Т. 3. СПб., 1896. С. 688.

Историко-филологическим отделением, кроме Грота, были П.С. Билярский и П.А. Пекарский, объединению двух отделений, следствием которого явилась бы утрата II отделением своей самостоятельности, воспротивились И.И. Срезневский и А.В. Никитенко.

Грот и его сторонники в отделении, Пекарский и Билярский, доказывали, что «ученая разработка русского языка и русской литературы в их историческом развитии так тесно соприкасаются с исследованиями по русской истории, что эти отрасли знания должны в совокупности либо составлять особое отделение Академии, либо принадлежать к составу отделения Историко-филологического». На первый взгляд, самым простым способом преобразования отделения было присоединение к нему двух академиков по русской истории, принадлежавших к III отделению; но это, по словам авторов, «значило бы расстроить историко-филологическое отделение и насильственно вырвать из состава его органическую часть, которую оно дорожит и представители которой, может быть, сами не пожелали бы отказаться от положения, которое они издавна занимают в Академии». Авторы записки настаивали на присоединении Отделения русского языка и словесности к Историко-филологическому отделению. По их убеждению, «с закрытием особого отделения русского языка и словесности не устраняется из Академии идея и цель его: напротив, они будут находиться в благоприятнейших против прежнего условиях. Поэтому надобно надеяться, что сожаление, с которым, может быть, многие встретят слияние II отделения с III, будет не продолжительным и прекратится, когда увидят, что вместо одной неполной фракции Академии наук целая половина ее принимает близкое участие в интересах отечественного языка, литературы и истории». Тех членов Отделения русского языка и словесности, которые не принимали близкого участия в его деятельности, предполагалось возвести в звание почетных академиков (док. 167).

Противники же объединения И.И. Срезневский и А.В. Никитенко доказывали, что труды Отделения русского языка и словесности в большей степени, чем занятия двух других отделений, которые целиком посвятили себя «чистой» науке, служили национальным интересам России. «Элемент национальности», по словам Никитенко, приводил «в ближайшее соприкосновение деятельность отделения с самыми важными не только историческими, но и текущими интеллектуальными интересами страны» (док. 165).

Срезневский указывал на ответственность, которая лежала на отделении как «учреждении, единственном не только в целой России, но и везде, и особенно важном для русских». Срезневский отметил значение связи членов отделения как «нравственной единицы», для того «чтобы поддерживалось исполнение общей цели, которая может быть забыта каждым академиком, но не будет забыта Россией» (док. 164).

Доводы о значении отделения для развития национального самознания оказались настолько весомыми, что Грот изменил свое первоначальное мнение и признал, что «при ближайшем соображении дела нельзя не согласиться, что II отделение имеет сверх ученого значения еще обще-

ственное и национальное, и этим оно существенно отличается от других двух отделений Академии. Потому-то оно и доселе, несмотря на свое неблагоприятное внешнее положение, всегда обращало на себя особенное внимание русской образованной публики. Сперва в Российской академии, а потом в Отделении русского языка и словесности общество наше уже 80 лет привыкло видеть учреждение, представляющее интересы науки отечественного слова, и уничтожение самостоятельности этой корпорации было бы, вероятно, встречено общим сожалением» (док. 161).

В окончательном варианте проекта самостоятельность Отделения русского языка и словесности была сохранена, а его численность увеличена с пяти до шести членов: три для русского языка, старославянского и для прочих славянских наречий и три для истории русской словесности (док. 174).

Ученый комитет Министерства народного просвещения выразил недовольство тем, что в представленном проекте нового академического устава число академиков по Отделению русского языка и словесности было сокращено более, чем вдвое по сравнению с действовавшим «Положением» об отделении (с 20 до 6 членов). По мнению Ученого комитета, «ограничивать число членов Отделения русского языка и словесности в Русской Академии по экономическим соображениям» едва ли было допустимо, тем более что наступило «время совершенно новой государственной и народной жизни», когда всестороннее исследование родного слова во всех его проявлениях получило «жизненно-научное значение» (док. 175).

Когда в 1866 г. в печати была высказана мысль о возможности исключить Русское отделение из Академии наук, оно, по словам Грота, могло «спокойно повторить ответ Ломоносова на угрозу Шувалова отставить его от Академии: “Разве академию от меня отставят”»¹⁷⁰.

Для выполнения обширной программы деятельности Академии наук требовалась большая материальная поддержка со стороны государства, а ее не было. После неудачных попыток увеличить финансирование всей Академии в целом президент Литке прибег к частным мерам и начал хлопотать об улучшении материального положения действительных членов и служащих Академии. В феврале 1868 г. он возбудил перед правительством вопрос об уравнивании «окладов жалованья академиков и служащих академии с окладами соответствующих должностей в университетах»¹⁷¹ (док. 194).

В ходатайстве Литке как будто бы говорилось обо всех академиках, но на деле речь шла только о членах Физико-математического и Историко-филологического отделений. По отзыву академика Я.К. Грота, в глазах президента Академию наук составляли только эти два отделения. «По какому-

¹⁷⁰ Грот Я. К. О Втором отделении Академии наук // Сб. ОРЯС. Т. 1. № 5. СПб., 1866. С. 16.

¹⁷¹ С утверждением нового штата университетов в 1863 г. соотношение окладов университетских и академических ученых изменилось в ущерб для академических.

то непонятному предубеждению, — писал Я.К. Грот, — которое, конечно, было ему внушено, он считал занятия русской и славянской филологией менее дельным и почтительным, чем занятия какой бы то ни было другой отраслью языкознания»¹⁷². Впрочем, не исключено, что Литке игнорировал ОРЯС в ответ на то, что само «русское» отделение неприязненно относилось к нему из-за его немецкого происхождения.

Члены ОРЯС в полный голос заговорили о своем праве получать достойное жалование наравне с членами двух других отделений, «в твердой надежде, что по чувству справедливости» президент не допустит, чтобы они оставались в «странном и отчасти унижительном положении» (док. 196). Когда Литке оставил просьбу членов ОРЯС без внимания, они вступили в частные переговоры с министром народного просвещения Д.А. Толстым об изменении порядка вознаграждения своей работы. В министерстве эта просьба была встречена с большим пониманием и сочувствием, чем у президента (док. 204). Давление со стороны членов ОРЯС и вмешательство министра заставили Литке дать официальный ход ходатайству об увеличении вознаграждения членов ОРЯС, и вопрос был решен положительно. Толстой разрешил выдавать пяти академикам, принимавшим постоянное участие в работе отделения, по 1 200 руб. в год (док. 205, 206). Разумеется, утверждение новых окладов для академиков двух отделений, а также улучшение материального положения членов ОРЯС было долгожданным благом для Академии.

Предпринятые в середине XIX в. попытки изменить академический устав и провести реформу ОРЯС закончились неудачей. Решающим доводом в пользу сохранения самостоятельности ОРЯС послужило признание того факта, что отделение сверх ученого значения имело еще общественное и национальное значение. Отделение русского языка и словесности продолжало жить несколько обособленной жизнью вплоть до 1893 г., когда его члены были уравнены с членами двух других отделений в отношении жалования и пенсий. Несмотря на некоторую дискриминацию, члены ОРЯС дорожили своей самостоятельностью и противились согласованию общего академического устава с «Положением» об отделении.

Большим благом для ОРЯС стало назначение преемником Литке Д.А. Толстого. Граф *Дмитрий Андреевич Толстой* (1823–1889), один из вершителей судеб России во второй половине XIX в., с должным пониманием и пиететом относился к занятиям отделения. Четверть века Толстой занимал ведущие государственные посты, а с 1882 г. и до конца жизни он занимал должность президента Императорской Академии наук.

При вступлении Толстого в должность президента председательствующий в ОРЯС академик Я.К. Грот выразил надежду на то, что новый президент, «усвоив себе ее интересы, своим могущественным содействием» по-

¹⁷² СПбФ АРАН. Ф. 137. Оп. 2. Д. 3. Л. 15–15 об.

может Академии достигнуть «того авторитета и влияния в обществе, той чести и славы, без которых она не может исполнять своего назначения»¹⁷³.

При Толстом произошли существенные сдвиги в понимании приоритетов академических наук, и гуманитарные исследования заняли среди академических исследований первенствующее положение. Едва ли не главной его заслугой как президента было расширение работ по русской истории. Убедившись в важном значении документов академического архива, Толстой инициировал издание архивных материалов по истории Академии наук. Заручившись поддержкой членов Отделения русского языка и словесности, он выхлопотал на это ежегодную государственную субсидию в 5 000 руб.¹⁷⁴ Таким способом он надеялся привлечь внимание правительства к Академии наук и показать ее значение для развития культуры России.

Проводившаяся в отделении работа по подготовке к изданию полного собрания писем и бумаг Петра Великого также была поддержана Толстым еще в бытность его министром народного просвещения: по его представлению Александр II распорядился создать под председательством министра особую Комиссию для собирания материалов к изданию писем и бумаг Петра Великого. В 1879 г. был подготовлен первый том и получены деньги на его издание. Но в 1880 г. Толстой оставил пост министра, отпущенная сумма не была израсходована и вернулась в Государственное казначейство. Деятельность комиссии приостановилась, а в 1885 г. кураторство издания было возложено на президента Академии наук, т. е. на того же Толстого, и вновь была отпущена необходимая сумма. По разным причинам это издание растянулось на 130 лет¹⁷⁵.

Толстой принадлежал к тем представителям высшей бюрократии Российской империи, которые считали важным государственным делом поддерживать высокий полюс образования и науки в стране. За годы его президентства главные устои академической жизни сохранялись в неприкосновенности. Главной своей обязанностью как президента он считал устранение каких бы то ни было тревожений, которые могли подорвать нормальный ритм научной работы и нанести урон репутации Академии наук.

¹⁷³ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1882. Д. 173. Л. 34 об.–35. Протокол заседания Общего собрания 7 мая 1882 г.

¹⁷⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1882. Д. 174. Л. 27–27 об. Протокол заседания ОРЯС 13 мая 1882 г. С. VIII. Еще 25 марта 1882 г. Д.А. Толстой дал поручение непременно секретарю К.С. Веселовскому: «Потрудитесь приказать написать отношение к министру народного просвещения, в котором изложить важное значение старинных документов академии, причины, по коим необходимо их печатать и т.п., и просить на это министра по 5 000 руб. (в нынешнем году половину, т.е. 2 500). Министр финансов дал мне уже на это предварительное согласие; но упоминать о нем в официальной бумаге не нужно»: СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 153. Л. 11.

¹⁷⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. В 13-ти т. СПб., 1887–2003. А.Ф. Бычков подготовил первые четыре тома издания.

В 1889 г. впервые в истории Академии ее президентом был назначен член царской фамилии — вел. кн. Константин Константинович, вошедший в историю русской культуры как поэт К. Р.

При вступлении Константина Константиновича в должность президента на Общем собрании 13 мая 1889 г. Я.К. Грот приветствовал его от имени отделения. По его словам, оно имело особенную причину для радости, потому что русская литература, составляющая предмет занятий отделения, дорога великому князю «не как любителю только, но как одному из ее деятелей» (док. 293).

Через полгода, 29 декабря 1889 г. на ежегодном академическом обеде в ресторане Донон прозвучала застольная речь Грота, обращенная к президенту:

«И мы, под знамя Ваше став,
Храня, по Вашему примеру,
Любви спасительный устав
И в благо пламенную веру,
Пойдем за Вами твердо вслед
Для мирных умственных побед,
Да нас добром помянут внуки...

Но и среди забот науки
Приятно отдохнуть подчас,
И вот мы ныне, всей семьею
Собравшись весело вокруг Вас,
Воскликнем дружною толпою:

Да вечно-юная живет
Поэзия сестрой науки,
И гармонические звуки
Порой, в часы восторга льет,
На радость нашего союза,
Младая царственная Муза»¹⁷⁶.

Надежды отделения и его председательствующего вполне оправдались: из трех отделений Академии вел. кн. Константин Константинович отдавал явное предпочтение Отделению русского языка и словесности и близко к сердцу принимал его интересы. Положение отделения значительно окрепло, именно здесь президент подбирал товарищей по управлению Академией. Среди членов ОРЯС были его старые добрые знакомые — брат поэтического кумира К. Р. Аполлона Майкова — Л. Н. Майков, с Гротом К.Р. связывали и литературные узы. Грота¹⁷⁷ и за ним Майкова он пригласил

¹⁷⁶ СПбФ АРАН. Ф. 24. Оп. 1. Д. 145. Л. 8 об. Опубл.: *Соболев В.С.* Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. 1889–1915 годы. СПб., 1993. С. 91–92.

¹⁷⁷ Константин Константинович записал в своем дневнике: «Была первая конференция. Я председательствовал. Явился и вице-президент В.Я. Буныковский, он от старости еле держится на ногах и опять просил меня об увольнении. Я

занять должность вице-президента и стать его ближайшими помощниками по управлению всей Академией. Оба вице-президента помогли Константину Константиновичу разбираться в тонкостях академических дел.

Свое же главное предназначение как президента Академии наук Константин Константинович видел в том, чтобы поднять ее престиж в глазах общества. Главными предметами его забот было, во-первых, увеличение финансирования академической науки, во-вторых, обновление личного состава Академии наук и, наконец, содействие развитию гуманитарных наук.

Вскоре после назначения вел. кн. Константина Константиновича президентом академики подняли вопрос о необходимости реформ в Академии, рассчитывая на то, что правительство захочет поддержать августейшего президента и благосклонно отнесется к интересам Академии наук. Академики не ошиблись: Александр III одобрил планы Академии наук, но рекомендовал в уставных работах проявлять «надлежащую умеренность» в требованиях новых ассигнований¹⁷⁸.

Под председательством президента была создана специальная комиссия для подготовки новой редакции устава; к этой работе были приглашены все действительные члены Академии. Проект нового устава вводил единое академическое звание академика, или действительного члена академии, уравнивал в научном отношении положение всех трех отделений, расширял состав и круг занятий каждого отделения, причем прежнее, несколько обособленное положение ОРЯС было сохранено. В ходе обсуждения проекта программа преобразований расширилась настолько, что выполнить ее было невозможно без изменения структуры всех академических научных подразделений, поэтому его окончательная разработка была отложена до «будущего времени».

Возбуждая вопрос о новом уставе в 1890 г., академики отчетливо понимали, что существенные изменения в организации академической науки приведут к изменению штата. Новый штат будет утвержден в 1893 г., он наконец-то уравнивает в правах членов ОРЯС с членами двух других отделений. Но это уже другая тема...

сказал ему, что желательно дождаться возвращения Государя, чтобы решить этот вопрос. Вернулся Я.К. Грот. Я уже смотрел на него как на будущего моего вице-президента»: ГАРФ Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 73. Запись 20 августа 1889 г.

¹⁷⁸ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 137. Л. 18 об. Протокол заседания Общего собрания 14 апреля 1890 г. § 57.